

**АНДРЕЙ ТВЕРДОХЛЕБОВ—
В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХРОНИКА»

**АНДРЕЙ ТВЕРДОХЛЕБОВ —
В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Составитель сборника —
ВАЛЕРИЙ ЧАЛИДЗЕ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХРОНИКА»
Нью-Йорк**

Издательство не испрашивало согласия Андрея Твердохлебова на публикацию этого сборника, но полагает, что его права этим не нарушены, так как все помещенные в сборнике тексты открыты для публичного использования.

Многие тексты сборника ранее были опубликованы — см. выпуски «Хроника защиты прав в СССР».

ANDREI TVERDOKHLEBOV — IN DEFENSE
OF HUMAN RIGHTS

Edited by: VALERY CHALIDZE

Copyright © 1975 by Khronika Press

KHRONIKA PRESS

505 Eighth Avenue, New York, N.Y. 10018

Printed by Waldon Press, 216 W. 18 St., New York, N.Y. 10011

СОДЕРЖАНИЕ

I. Выступления в связи с идеологическими преследованиями	
В защиту Суперфина (2 заявления)	7
В защиту Плюща (2 заявления)	11
Письмо в редакцию «Вечерней Москвы»	18
О применении амнистии (дело Мюге)	25
В защиту баптистов	28
Дело о бракосочетании п/з Хаустова и О. Иофе	34
В защиту права выезда	40
II. Деятельность в Комитете прав человека	
Принципы Комитета	45
Доклад о преследовании «тунеядцев»	47
Мнение Комитета о преследовании «тунеядцев»	70
Заявление о выходе из Комитета.	78
III. Помощь узникам совести и их семьям	
В Президиум Красного Креста	81
Принципы «Группы — 73»	85
Приветствие сессии «Международной Амнистии»	87
Письмо прокурору Штейману	88
«Группа — 73» и Международная федерация прав человека	90
IV. Сборник «О содержании заключенных»	92
V. Сборник «Международная Амнистия».	115
Приложения:	
1. Заявление об обыске (1973 г.)	153
2. Заявление о задержании	156
3. Заявление об обыске (1974 г.)	158

**ВЫСТУПЛЕНИЯ
В СВЯЗИ С ИДЕОЛОГИЧЕСКИМИ
ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ**

В ЗАЩИТУ СУПЕРФИНА

**Председателю Президиума
Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному**

Прошу Вас избавить от дальнейших мучений Габриэля Гаврииловича Суперфина — известного литературного историка-архивиста, обвиняемого Орловским Управлением КГБ в антисоветской агитации и пропаганде. Вы можете это сделать с помощью неоднократно применявшейся в последнее время в аналогичных случаях процедуры — специального Указа Президиума Верховного Совета СССР о помиловании.

Возможно, что местные власти (Орловское УКГБ) будут оспаривать аналогию этого случая с известными случаями прекращения дел по помиловании. Дело в том, что Суперфин не только не представил какого-либо прошения о помиловании, но своим отказом от данных им на предварительном следствии показаний, очевидно, весьма рассердил следователя Орловского УКГБ. Тем не менее, если взглянуть на дело Суперфина не с точки зрения узковедомственных интересов, этот случай более других требует указа о помиловании. Скоро уже 9 месяцев, как в Москве не было случаев ареста по 70-й статье УК РСФСР, и по завершении дела Суперфина цепь непрерывных процессов, происходящих под эгидой дела № 24 о «Хронике», прервется. По многим причинам не хочется, чтобы это дело окончилось для Суперфина терновым венцом страданий физических и нравственных: примите, пожалуйста, во внимание крайне слабое здоровье Габриэля Суперфина.

17 марта 1974 г.

Андрей Твердохлебов

**В Международную комиссию юристов, Женева.
Копии: Международная амнистия,
Комитет защиты Суперфина.**

Мы озабочены судьбой московского литературоведа Габриэля Суперфина и хотим ознакомить с обстоятельствами его казуса [Вас, ибо заинтересованные лица] в поисках адвоката, возможно, обратятся именно к Вам. Дело в том, что, несмотря на предварительную договоренность матери Суперфина с компетентным московским адвокатом Л. А. Юдовичем, Президиум московской комиссии адвокатов не разрешает Юдовичу выехать в город Орел, ссылаясь на «большой объем работы адвокатов в городе Москве». (Следствие по делу Суперфина по непонятным причинам ведется в городе Орле.) Право свободного выбора адвоката гарантировано уголовно-процессуальным законодательством без исключений, но на практике матери Суперфина препятствуют в осуществлении ее права на свободный выбор адвоката.

Габриэль Суперфин был арестован в г. Москве 3 июля 1973 года по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 70 и 72 УК РСФСР.

Предполагаемые пункты обвинения:

- 1) Участие в издании известного самиздатовского сборника «Хроника текущих событий»;
- 2) Редактирование и «передача на Запад» известного тюремно-лагерного дневника Эдуарда Кузнецова;
- 3) Пометки, сделанные якобы рукой Суперфина, на книге Питера Реддавэя «Неподцензурная Россия».

Существенные для адвоката особенности данного казуса.

Суперфин находится под стражей с 3 июля 1973 года в условиях полной изоляции: в свидании с родственниками и адвокатом отказывают.

В первый период Суперфин проходил следствие по одному делу с Виктором Хаустовым, который среди прочего обвинялся в причастности к «передаче на За-

пад» дневника Кузнецова. В дальнейшем дело Суперфина было выделено в отдельное производство. На состоявшийся 4-6 марта процесс над Хаустовым Суперфин был привезен в качестве свидетеля. Его показания, данные на предварительном следствии, широко использовались обвинением. На этом суде Суперфин отказался от всех своих показаний, данных в период с 22 июля по 5 ноября 1973 г., мотивировав свой отказ тем, что он на следствии давал ложные показания из-за «аморальных и подлых соображений» под давлением следствия и лично полковника Сыщикова. Суперфин указал, что еще 5 ноября он сделал аналогичное письменное заявление следствию. Председательствующий предложил тем не менее зачитать эти, по словам Суперфина ложные, показания, однако адвокат Хаустова Немиринская Н. Я. заявила протест, поскольку зачитывание данных на предварительном следствии показаний предусмотрено законом только в двух случаях: неявка свидетеля в суд или расхождение его показаний в суде с прежними, отказ же от дачи показаний не является юридическим основанием для зачитывания показаний, имеющих в следственном деле. По ходатайству Немиринской суд объявил перерыв, давший возможность уговаривать Суперфина «ради смягчения участи Хаустова» отвечать на вопросы в судебном заседании (случай уникальный как с точки зрения процессуальных норм, так и в свете привычных у нас ограничений адвоката, особенно на политических процессах). В результате происшедшего наедине разговора в течение часа Суперфин взял на себя совершение инкриминированных Хаустову деяний. Следует отметить ответную реакцию Хаустова, который тут же в свою очередь заявил, что в этих эпизодах действовал он, а не Суперфин.

В начале следствия Суперфин был подвергнут судебно-психиатрической экспертизе, которая признала его вменяемым. Дело Суперфина будет, повидимому, слу-

шаться в г. Орле, хотя этот город не является ни местом ареста, ни местом проживания Суперфина, ни местом совершения инкриминируемых действий.

Мы надеемся, что Вы внимательно и непредубежденно отнесетесь к возможной просьбе о рекомендации подходящего адвоката. Мы рассчитываем на Вас в быстроте, поскольку следствие по делу Суперфина кончается 25-26 марта.

18 марта 1974 г.

А. Твердохлебов

М. Слоним

В ЗАЩИТУ ПЛЮЩА

Начальнику психиатрической больницы специального типа Пруссу (Днепропетровск, улица Чичерина, дом 101)

Я ранее слышал кое-что о вверенной Вам больнице и должен сказать, что в доходивших до меня слухах ничего, кроме порочащего советскую медицину и психиатрию, не было. Более того Ваша больница пользуется наиболее дурной славой среди подобных ей учреждений. К сожалению, сейчас мне довелось узнать нечто более конкретное о пребывании в Вашей больнице Леонида Плюща, и вот что.

1. Не позднее 19 октября 1973 года Плюща перевели в палату № 9, где его стали лечить не в связи с ухудшением его здоровья, а, по-видимому, с целью искоренить изысканные у него экспертизой социально опасные душевные отклонения от нормы.

Во-первых, это неправильно, потому что не по закону. Статья 13 УК УССР «Принудительные меры медицинского характера» говорит, что судом может быть применено принудительное лечение в психиатрической больнице общего типа или помещение в психиатрическую больницу специального типа. Это различие не случайно и разумно. В больнице общего типа главным лицом является врач, а в [больнице] специального типа — сотрудник МВД вроде Вас. И закон счел невозможным допустить принудительное лечение там, где главным лицом является не врач, а тюремщик. Как это различие выглядит на практике, сказано в следующем пункте. Ясно, что ответственность за нарушение закона ложится целиком на Вас. Ведь вначале, по прибытии, Плюща не лечили.

Во-вторых, это ужасно, потому что после перевода в палату № 9 и лечения Плющу стало совсем плохо: говорит с трудом, судорожно глотает слюну, попросил прервать свидание с женой раньше окончания положенного времени. На предыдущем свидании до лечения ничего подобного не было. Жене это второе свидание дали не сразу 19 октября, когда она приехала с сыном в Днепрпетровск, а лишь 22 октября, сославшись на то, что в палате № 9, куда был переведен Л. Плющ, у его соседа по койке нашли острое инфекционное заболевание. «Попробуйте зайти в понедельник, может быть, к тому времени картина прояснится». А как себя чувствовал Плющ до 21 октября и что должно было проясниться для разрешения свидания, можно только догадываться. Там он на свидании предупредил жену, чтобы она не волновалась, если от него не будет писем. Он чувствует себя так плохо, что физически не может писать; пробовал, но не смог продолжать. По настоятельной просьбе жены обещал отсылать письма, хотя бы из одной строчки. Чем же его лечат? Лечащий врач Лидия Алексеевна отказалась отвечать жене: «Зачем Вам это знать? Что надо, то и даем». Фамилию свою она также отказалась назвать. А в отношении болезни Плюща сказала следующее: «Пока я еще не обнаружила у него [склонность к] «философской интоксикации». Однако у больного отмечается склонность к... «математизации психоолгии и медицины». Я врач и понимаю, что математика не имеет никакого отношения к медицине». Может быть, Лидия Алексеевна решила внести свое слово в психиатрию и скоро будет защищать диссертацию на основе исследований над Плющем. Или же она просто говорит первое, что приходит ей в голову, лишь бы отделаться от естественных и законных вопросов его жены.

2. Родственников пациентов встречает распорядительный всем человек в форме МВД и называющий себя начальником по режиму. Он заявляет, что хозяин — он

и режим для каждого, в том числе количество и ассортимент продуктов передачи, он определяет в соответствии со статьями обвинения и видом лагеря прежнего содержания пациента, «у нас здесь тюрьма, Плющ-то у нас по 62-ой статье, так что Вы хотите». У Вас действительно тюрьма. В палате-камере № 9 находятся 26 человек и находятся они там безвыходно. Выводят только раз в день на часовую прогулку и три раза в день «на opravку». Санитарами и в обслуге работают заключенные. Родственникам разрешено передавать не более одной продовольственной передачи в две недели, а вес каждой передачи не должен превышать пяти килограмм, а, кроме того, в каждой передаче могут быть только разрешенные к передаче продукты в разрешенном количестве: Масло — 0.4 кг., сахар — 0.5 кг., варенье — 0.5 кг., фрукты — до 1 кл., овощи — до 1 кг., сыр — до 0.5 кг., яйцо — 10 шт., мед — 0.5 кг., хлеб — 0.5 кг.; лук, чеснок — 0.5 кг., молоко — 1.5 л., колбаса — 0.15 кг. Последнее, количество молока и колбасы, — невероятно малы. Однако таковы условия содержания в Вашей тюрьме. Можно ли в таких условиях лечить помещенных к Вам лиц. Какие административные средства Вы применяете к подчиненным Вам врачам, чтобы они не отказывались лечить пациентов в таких условиях?

3. Отмена или изменение принудительного помещения Плюща в Ваше учреждение в соответствии со статьей 422 УПК УССР производится на основе представления администрации учреждения. Основанием же для применения принудительных мер медицинского характера является социальная опасность характера обнаруженного заболевания. Имеется ли у Вас специалист-социолог, чье мнение о социальной опасности заболевания является решающим, или же вопрос о социальной опасности «филозофской интоксикации» и «математизации психологии и медицины» будет решаться все той же Лидией Алексеевой? Подчеркну, что сейчас считается признанной

роль социального работника в деятельности служб охраны психического здоровья (см. журнал «Хроника ВОЗ», том 27, № 9, сентябрь 1973 года, стр. 428, Отчет о деятельности рабочей группы, созданной Европейским региональным бюро ВОЗ совместно с правительством Франции, Ницца, 4-7 сентября 1972 г.).

Я хотел бы получить от Вас ответ на все содержащиеся в этом письме вопросы, за исключением одного: «Зачем нам это знать?» Это не мой вопрос, а Лидии Алексеевны.

28 октября 1973 г.

Андрей Твердохлебов

**Доктору Бернарду Диксону,
Нью Сайентист Пабליкейшен (адрес).
от А. Н. Твердохлебова (адрес)**

В одном из последних номеров Вашего журнала был затронут важный и больной вопрос — почему научная общественность почти не реагирует на широкое, специализированное использование науки, технологии и медицины для пыток, которым подвергают людей во всем мире? Хочу поделиться своим опытом столкновения с этой проблемой.

Дело в том, что года два назад я посылал ряд документов Пятому конгрессу психиатров (в Мехико) о проблеме прав лиц, признанных психически больными (см. Документы Комитета прав человека, Издание Международной лиги прав человека). Важное место в этих документах отводилось нравственной проблеме ответственности ученых-психиатров (и научной общественности) за недопустимые и тяжкие нарушения прав и насилие над личностью тех, кто был отдан им в руки. Конгресс никак не прореагировал на эти документы. С сожалением пришлось лишний раз убедиться в справедливости тезиса советской пропаганды о том, что на Западе «человек человеку — волк».

Но сейчас, по размышлении и узнав о Вашей инициативе, я пришел к выводу, что, возможно, академичность и правовой подход, которыми отмечены упомянутые документы, помешали тогда научной общественности понять в чем дело. Посему хочу предложить Вашему вниманию одно письмо и мои комментарии к нему.

Начальнику Управления ИТУ т. Макагону В. Е.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мой муж, ...[1], 1939 года рождения, находится в настоящее время в Днепропетровской спецпсихбольнице. Посещение его на свидании, разговоры с ним, врачом и дежурным по режиму заставили меня обратиться к Вам по вопросу, касающемуся содержания моего мужа.

Тяжелое моральное его состояние [2], условия содержания, которые имеют место, заставляют меня просить Вас о переводе мужа в другое учреждение [3]. Основные мотивы для этого таковы. Моему мужу не дают возможность вести переписку даже с ближайшими родственниками. Письменные принадлежности дают только один раз в неделю, по воскресеньям, и даже эти письма не приходят по адресу. Так за полтора месяца пребывания его в больнице я не получила от него ни одного письма. Ему не дают возможность работать, т.е. читать и работать с книгами. Такое запрещение не вызвано медицинскими показаниями, а объясняется установкой лиц, ведающих режимом содержания (так мне было объяснено дежурным по режиму). Ведь если считать (а ни муж, ни я не считаем этого) его психически больным на почве «идей реформаторства и мессианства», на почве проблем сугубо социального характера, то это никак не дает основания запрещать мужу заниматься вопросами сугубо теоретическими, т.е. связанными с его непосредственной профессией математика. Так, мне было объяснено, что по характеру содержания муж не

имеет права на получение интересующей его литературы из области математико-психологической теории игр (это та область науки, которой он занимался последние годы [4]). Удручающее впечатление оставила у меня внешность мужа. Его одежда на два-три размера больше, чем нужно, чрезвычайно старая, застиранная. Учитывая, что для человека в его положении это очень существенно, т.е. даже одежда помогает сохранить человеческий облик, я обращаю Ваше внимание и на это.

Я не прошу никаких условий для моего мужа — просто прошу выполнения обычного режима. Я опасюсь, что кем-то в отношении моего мужа создаются условия, в которых нет того минимально необходимого элемента здравого смысла сострадания по отношению к людям, оказавшимся в таком положении, как мой муж [5]. Убедительно прошу Вас помочь мне.

29 августа 1973 года.

КОММЕНТАРИИ

1 — Это — известный из «инакомыслящих», арестованный по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде», признанный с множеством процессуальных нарушений психически больным. У его жены, автора этого письма, в конце августа был произведен обыск, в котором были изъяты как антисоветские все ее письма, заявления и жалобы в различные советские инстанции.*

2 — На свидании муж сказал ей: «Делайте что угодно, только вырвите меня отсюда».

3 — Днепропетровская спецпсихбольница держит пальму первенства в дурной славе подобных учреждений — это самая страшная. Года два назад в самиздате был опубликован анонимный текст об условии содержания пациентов именно в этой больнице. Но недавно на обыске у меня был изъят этот документ. Я уже не могу со-

* В Хронике текущих событий» вып. 30 указано, что это письмо Твердохлебова посвящено Плющу. (В. Ч.).

поставить изложенное там с этим конкретным случаем. В пределах УССР другой спецпсихбольницы нет. Вопрос о переводе может быть решен лишь одновременно с проблемой перевода пациента за границу.

4 — Даже здесь, в спецпсихбольнице, как и до ареста, первым и основным требованием этих людей является право на духовную, интеллектуальную жизнь. Между тем, питание там совершенно не удовлетворительное, но мало того — врачи почему-то специально ограничивают питание своих пациентов. Так, родственникам разрешено передавать не более одной продовольственной передачи в две недели, а вес каждой передачи не должен превышать пяти килограмм, а, кроме того, в каждой передаче могут быть только разрешенные к передаче продукты в разрешенном количестве. Масло — 0.4 кг., сахар — 0.5 кг., варенье — 0.5 кг., фрукты — до 1 кг., овощи — до 1 кг., сыр — до 0.5 кг., яйца — 10 шт., мед — 0.5 кг., хлеб — 0.5 кг., лук, чеснок — 0.5 кг., молоко — 1.5 л., колбаса — 0.15 кг. К этому следует добавить, что у матери двух детей, оставшихся без кормильца, нет денег даже и на такую передачу.

5 — Скромность просьбы далеко не соответствует подлинному состоянию автора письма и ее мужа. Состояние это таково, что ей и ее близким, знающим подробности этого дела, впору выйти на площадь и просто кричать «караул». Но тогда исчезнет последняя надежда, что хоть кто-то из еще не признанных социально опасными душевнобольными может хоть чем-то помочь сидящему в спецпсихбольнице узнику совести.

17 сентября 1973 года

Андрей Твердохлебов

О ПУБЛИКАЦИИ ИНФОРМАЦИИ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

**Главному редактору газеты «Вечерняя Москва»,
копия: главному редактору «Известий»**

В прошедшем году в Москве было арестовано необычно много лиц с обвинением по статье 70 УК РСФСР. Статья эта особенная — «антисоветская агитация и пропаганда», в диспозиции ее существенна субъективная сторона деяния — наличие умысла, а именно того, что обвиняемый действовал «в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений». Значительное число обвиняемых и указанная особенность, в совокупности, настоятельно требуют, по моему разумению, соответственно широкого и подробного освещения всех обстоятельств, имеющих отношение к печальной статистике преследований по 70-й статье.

Я обращаюсь с этим ходатайством, прежде всего имея в виду тех, кто считает своим неотъемлемым правом искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ, не желая преступать при этом границы ныне дозволяемого властью. Знать, «что можно, а чего уже нельзя», для них и их семей жизненно необходимо.

Я полагаюсь также на Вашу сопричастность к властям. Ведь, если я не ошибаюсь, Ваша газета не является оппозиционной, и Вы, должно быть, заботитесь о том, чтобы действия следствия и суда не вызывали в публике нежелательных толков и пересудов. Один необычный политический процесс над одним обвиняемым всегда порождает массу сомневающихся в его законности, справедливости или необходимости. Когда же число таких

обвиняемых насчитывает десятки, то сомневающихся становится существенно меньше. Если же таких обвиняемых будет сотни и более, то сомнений уж ни у кого не возникает. Дело только за прессой.

Указывая на это обстоятельство, считаю необходимым отметить, что я не принадлежу к тем, в чьих глазах авторитет власти будет укрепляться по мере возрастания числа репрессий, проводимых в целях утверждения или усиления Советской власти, либо свершения отдельных особо насущных интересов государства. И не хочу создавать впечатления, что в своем ходатайстве я рассчитываю на то, что Ваша личная позиция в этом вопросе иная, нежели моя. Но Ваш ответственный пост требует, так или иначе, принять во внимание указанное обстоятельство.

Надеясь, что и мои личные усилия помогут в реализации возникшего интереса,

примите и прочее,

10 января 1973 г.

Андрей Твердохлебов
Москва, К-64, ул. Чкалова,
д. 14-16, кв. 76.

P.S.

У Вас могут возникнуть трудности при конкретном изучении вопроса. Дело в том, что следственные и судебные органы не любят делиться с публикой имеющимися у них материалами, если только это не происходит по их собственной инициативе. На этот случай Вам могут помочь прилагаемые мной сведения о некоторых из обвиняемых по 70-й статье за прошедший год.

Приложение

1. БЕЛОГОРОДСКАЯ Ирина, химик, 1938 г. р., арестована 3 января 1973 г., дело № 24, ст. 70, дело ведется УКГБ СМ СССР.*

* Белгородская освобождена актом помилования 16 ноября 1973 г. — «Хр. защиты № 5-6. (В. Ч.).

Супруг: Делоне Вадим, проживает по адресу: Рязанский пр., д. 73, кв. 90, телефон 371 47 04.

2. КРАСИН Виктор Александрович, экономист, 1929 г. р., арестован 12 сентября 1972 г., дело № 24, ст. 70, дело ведется УКГБ СМ СССР, следователь Александровский.*

3. ЛЮБАРСКИЙ Кронид Аркадьевич, астроном, к.ф.-м.н., 1934 г. р., арестован 17 января 1973 г., дело № 370, ст. 70, дело слушалось в г. Ногинске 26-30 октября на выездной сессии Моск. обл. суда, приговор 5 лет лишения свободы не вступил в силу, т.к. еще не прошел кассационную инстанцию.**

Супруга: Салова Галина Ильинична, адрес: Московская обл., Ногинский р-он, пос. Черноголовка, д. 26, кв. 35.

4. МУХАМЕДЬЯРОВ Роальд Гашимович, 1934 г. р., арестован 5 сентября 1972 г., вначале дело велось УКГБ СМ СССР под № 24, ст. 70, а с конца декабря ведется УКГБ по Москве и Московской обл. под № 397 (?), статья та же, следователь Коркач.***

5. ПОПОВ Владимир Георгиевич, арестован 11 июля 1972 г., дело № 24/1972, ст. 70, велось УКГБ по Москве и Моск. обл., следователь Каталиков. Дело слушалось в Мосгорсуде 22 ноября 1972 г., судья Богданов, приговор 3 года условно с 5-тилетним испытательным сроком.†

6. СТАРЧИК Петр Петрович, арестован в апреле 1972 г., дело № 374, ст. 70, велось УКГБ по Москве и Моск. обл., следователи: сначала Бардин, затем Трофимов. Суд состоявшийся в конце года, признал его невменяемым и вынес решение о принудительном помещении в спецпсихбольницу.*

* Красин осужден (сент. 1973 г. — «Хр. защиты» 3) (В. Ч.).

** О Любарском см. «Хр. защиты» 7 (В. Ч.).

*** Мухамедьяров был помещен в психиатрическую больницу в 1973 г. (В. Ч.).

† О Попове см. «Хроника» 27, 28. (В. Ч.).

* Старчик был помещен в Казанскую псих. больницу — см. «Хроника» 28.

Адрес: Москва, 117419, 2-й Верхнемихайловский пр-д, д. 7, кв. 27.

Супруга: Старчик Саида Мансуровна, тел. 234 70 57.

7. ШИХАНОВИЧ Юрий Александрович, математик, к. пед. н., 1933 г. р., арестован 28 сентября 1972 г., дело № 380, ст. 70, ведется УКГБ по Москве и Моск. обл., следователи Галкин В. К., Смирнов Н. А.**

Адрес: Москва, А-83, Мишина ул., д. 12, кв. 100.

Супруга: Плюснина Алевтина Петровна, тел. 258 30 36.

8. ЯКИР Петр Ионович, историк, 1923 г. р., арестован 21 июня 1972 г., дело № 24, ст. 70, ведется УКГБ СМ СССР, следователь Кислых Г. Б.***

Адрес: Москва, Ж-280, Автозаводская, д. 5, кв. 75.

Супруга: Савенкова Валентина Ивановна, тел. 275 21 15

ЗАМЕЧАНИЯ ПРИ ПУБЛИКАЦИИ

Публикуя это письмо, заключаю его некоторыми замечаниями.

1. Список Приложения к письму добавился еще одним арестованным:

9. ХАУСТОВ Виктор Александрович, 1938 г. р., арестован 17 января 1973 г., дело № 25, ст. 70, дело ведет УКГБ пог. Орлу и Орловской области.*

Супруга: Иофе Ольга, проживает по адресу: Москва, 105118, Е-118, 8-ая улица Соколиной горы, д. 7, кв. 131, тел. 265 87 45.

2. Я пока не получил ответ ни в явной форме ответного письма, ни в неявной форме публикации на эту тему в «Вечерней Москве» или «Известиях».

**Шиханович был определением Мосгорсуда помещен в психиатрическую больницу — см. «Хроника» 30. Освобожден летом 1974 г. (В. Ч.).

*** Якир осужден 1 сент. 1973 г. — см. «Хр. защиты» 3 и «Хроника» 30. (В. Ч.).

* Хаустов осужден в 1974 г. к 4 годам лишения свободы с последующим отбыванием ссылки в течение 2х лет — см. «Хр. защиты» 8. (В. Ч.).

3. Следственные органы, в отличие от практики прежних лет, не столь тщательно заботятся о тайне следствия. Скорее наоборот, ощущается стремление определенным образом информировать о ходе следствия близких и друзей обвиняемых, в частности по делу № 24.

Стало известно, например, что дело № 24 касается издания и распространения периодического журнала «Хроника текущих событий», 27 номеров которой вышли с 1968 до конца 1972 года, и «передачи на Запад» подрывающей или ослабляющей Советскую власть информации, к каковой следственные органы относят и «Хронику».

По этому делу с начала 1972 года был допрошен не один десяток свидетелей и произведен не один десяток обысков. Свидетелями, в частности, проходили по этому делу: Г. Амальрик, В. Балашов, В. Бахмин, М. И. Белгородский, И. Белгородская, Т. М. Великанова, Г. Габай, И. Габай, Е. Гайдуков, Ю. Гендлер, В. Делоне, А. Дубров, Н. Емелькина, отец Сергей Желудков, Л. Зиман, И. Каплун, М. Л. Каплун, Л. Кардасевич, Ю. Ким, Комаров, И. Кристи, Е. Кушев, Л. Кушева, Д. Марков, А. Найденович, Пинский, В. И. Савенкова, А. Л. Смелянская, Г. Г. Суперфин, В. А. Тимачев, Т. С. Ходорович, В. Н. Чалидзе, Н. Я. Шатуновская, А. Якобсон, И. Якир, сослуживцы П. И. Якира и те, кто знал его по Историко-архивному институту.

4. До сих пор трудно составить четкое представление о том, в каких рамках ограничивается свобода информации. Здесь мог бы помочь индекс запрещенных к обращению книг, текстов или изданий, хотя, разумеется, специальное законодательство о свободе информации было бы значительно приятнее. Приведу один относящийся к этому вопросу текст (перевод из журнала «Ежемесячная Хроника ООН», т. IX, № 4, апрель 1972 г., англ.; курсив мой — А. Т.):

Периодические сообщения о правах человека: заседания «АД ХОК» Комитета

«АД ХОК» Комитет по периодическому информированию о состоянии прав человека в различных странах собирался с 22 февраля по 1 марта. Комитет был учрежден Комиссией по правам человека в 1965 году с целью изучения и оценки информации о правах человека и подготовки рекомендаций для Комиссии.

После изучения сообщений, поступивших от 31 правительства и трех специализированных агентств по свободе информации, Комитет единогласно одобрил доклад, направленный на рассмотрение Комиссии. В нем рассмотрены рекомендации Объединенной инспекционной комиссии о путях сокращения объема документации, поступающей в ООН. Доклад решено передать на отзыв каждому члену Комиссии по правам человека, без выработки окончательных рекомендаций. *Единогласно одобренная* резолюция призывает государства-члены ООН и специализированные агентства активизировать их индивидуальные и совместные усилия по повышению уровня и стандартов в деятельности по сбору и распространению информации, *расширять возможности пользоваться свободой информации для всего населения и содействовать развитию и защищать эту свободу, как она определена во Всеобщей декларации прав человека.*

Рассмотренные Комитетом сообщения поступили из следующих стран: Австрии, Бельгии, Камеруна, Канады, Эквадора, ФРГ, Финляндии, Франции, Исландии, Ирландии, Италии, Японии, Кувейта, Лихтенштейна, Люксембурга, Мадагаскара, Мексики, Нидерландов, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Польши, Сингапура, Швейцарии, Тринидада и Тобаго, Украинской ССР, СССР, Соединенного Королевства, США и Югославии. Доклады были также направлены ЮНЕСКО, Международной организацией труда и Всемирным почтовым союзом.

Председателем-корреспондентом «АД ХОК» Комитета был Илюминадо Г. Торрес (Филиппины). В качестве членов Комитета были представлены Франция, Филиппины, Польша, Сенегал, СССР, Соединенное Королевство, США и Венесуэла».

Конечно, в сложном государственном механизме одно ведомство легко может не знать, что творит другое. Тем больше оснований опубликовать этот текст, поскольку

не трудно понять, что вероятнее всего сотрудники КГБ чаще читают Самиздат, чем ООН-овские документы.

5. Многое, в частности, необычная степень гласности предварительного следствия, позволяет надеяться и на большую степень гласности предстоящего, по-видимому, процесса по делу № 24. Поможет ли этот процесс сделать вывод о необходимости выработать проект и принять законодательство о свободе информации, которое явилось бы Проекцией на советское право статьи 19 Всеобщей декларации прав человека? Сомнительно, хотя циркулирующие сообщения о ратификации Советским Союзом Женевской конвенции по охране авторских прав дают и здесь некоторую надежду.*

10 марта 1973 г.

Андрей Твердохлебов

* СССР присоединился к Всемирной конвенции об авторском праве 1952 г. 21. 2. 73 — см. «Ведомости ВС СССР», 28. 2. 73, № 9, ст. 138, (В. Ч.).

О ПРИМЕНЕНИИ АМНИСТИИ

Председателю Президиума Верховного Совета СССР

Н. Подгорному

от Твердохлебова А. Н. (адрес)

З А Я В Л Е Н И Е

Ваша честь и достоинство Главы государства сильно поколеблены действиями прокуратуры гор. Москвы. Счел своим долгом обратить на это Ваше внимание.

Из приложенных к данному заявлению документов, во всяком случае, видно, что заместитель начальника следственного управления прокуратуры гор. Москвы старший советник юстиции Л. Соловьев не счел Ваш декабрьский Указ об амнистии заслуживающим какого-либо внимания. Не ответить по существу, почему недвусмысленное требование Указа не имеет силы в деле № 40030/59-71, значит выказать явное пренебрежение Вашим Указом, и это, к сожалению, может служить примером противозаконных действий для прочих официальных или частных лиц. Что бы ни вычитал Л. Соловьев между строк опубликованного текста Указа или из разъясняющих этот текст инструкций, какие бы ни были обстоятельства самого дела № 40030/59-71, он должен был по крайней мере указать, что в силу каких-то причин доводы С. Мюге, по которым не усмотрено оснований к прекращению дела, не являются доводами Указа.

Надеюсь, что Вы сами сможете защитить авторитет Указов Президиума, и лицам, заинтересованным в авторитете данного Указа, не понадобится долго заниматься писанием жалоб и заявлений по инстанциям, чтобы защитить, собственно, Ваш авторитет.

Очень многие ждали амнистии и очень многие оказались разочарованными её уникальной для всех 50 лет Советского Союза узостью круга лиц, деяния которых предаются забвению. Что же прикажете думать, когда

оказывается, что и столь узкий круг лиц усматривается властями как недопустимо широкий?

11 марта 1973 г.

А. Твердохлебов

- Приложения: 1. Копия заявления С. Мюге Прокурору гор. Москвы;
2. Копия ответа из прокуратуры на заявление С. Мюге.

Приложение 1.

**Прокурору города Москвы
от МЮГЕ Сергея Георгиевича, (адрес)**

З А Я В Л Е Н И Е

С 25 августа 1972 года я допрашиваюсь по делу № 40030 (от 28 сентября 71 года) в качестве подозреваемого в преступлении, предусмотренном ст. 190¹ УК РСФСР (следствие ведет ст. следователь Малоедов Ю. П.).

На основании Указа об амнистии от 28/XII 72 г. дело в отношении меня должно быть прекращено согласно ст. 5 Указа. Я участник войны, имею правительственные награды. Ст. 190¹ предусматривает наказание до 3 лет, а ст. 7 Указа, исключая из сферы действия амнистии ряд статей УК, относится только к лицам осужденным. Следовательно, на обвиняемых, а тем более подозреваемых не распространяется.

Согласно ст. 9 Указ вступает в силу со дня его опубликования. А согласно ст. 209 УПК следователь обязан известить обвиняемого о прекращении дела. Логично допустить, что о прекращении дела имеет право знать и подозреваемый.

Если дело прекращено, то прошу дать мне об этом письменное уведомление (подобный документ мне необ-

ходим для предоставления в ОВИР на предмет выезда из СССР).

Если дело в отношении меня не прекращено, то прошу сообщить о мотивах тому препятствующих.

22 февраля 1972 г.

С. МЮГЕ

Приложение 2.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА СССР

Прокуратура гор. Москвы

№ 40030/59-71

2/6 марта 1973 года.

Новокузнецкая ул., д. 27

Москва, пр-кт Вернадского, д. 99, к. 1, кв. 45

МЮГЕ С. Г.

Сообщаю, что Ваше заявление рассмотрено и оснований к прекращению уголовного дела № 40030/59-71 по изложенным Вами доводам не усматривается.

**Заместитель начальника следственного управления
прокуратуры г. Москвы старший советник юстиции
Соловьев Л.**

В ЗАЩИТУ БАПТИСТОВ

**В Президиум Верховного Суда Казахской ССР.
Копии: В Президиум Верховного Суда Киргизской ССР
В Президиум Верховного Суда Таджикской ССР
от А. Н. Твердохлебова**

З А Я В Л Е Н И Е

Обращаю ваше внимание на ваше же постановление — Постановление Президиума Верховного Суда Казахской ССР от 3 июня 1966 года «О применении статьи 130 УК ССР», в котором разъясняется, что «организация, систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии является нарушением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви и влечет уголовную ответственность по статье 130 УК Каз. ССР».

Дело в том, что это Постановление находится в неустрашимом противоречии с ратифицированными Президиумом Верховного Совета СССР в сентябре прошлого года Пактами Объединенных Наций о правах человека (приложу для сведения в качестве приложения тексты соответствующих статей Пактов). Вообще говоря, подобные противоречия обычны и в этом нет большой беды, если бы они представляли только академический интерес для охотников копаться в юридических тонкостях. Странно и дико другое — то, что в деле № 2-11 Талды-Курганского областного суда (а за его дела вы несете прямую ответственность) встретилось в качестве основания обвинения по статье 130 ч. 2 ссылка на ваше Постановление 1966 года, которое цитировано мною в начале письма (из приговора по этому делу).

Процесс в Талды-Курганском областном суде шел над активистами местной общины евангельских христиан-баптистов. Для подсудимых он закончился так:

Павлову Якову Николаевичу, рождения... 7 апреля 1935 года, уроженцу села Моховского, Моховского района, Алтайского края, русскому, гражданину СССР, беспартийному, со средним, специальным образованием, работавшему техником-проектировщиком в проектно-сметном бюро Талды-Курганского Обкомхоза, проживающему в городе Талды-Кургане по улице Маяковского 2а, семейному, имеющему 8 детей в возрасте от двух до пятнадцати лет, ранее не судимому, находящемуся под стражей с 21 сентября 1973 года — 5 лет лишения свободы. (Подсудимые обвинялись также по статьям 170-1 и 200-1 ч. 1 УК Каз. ССР).

«Ватулко Анатолию Михайловичу, рождения 1 апреля 1933 года, уроженцу города Кульджи КНР, русскому, беспартийному, образования 5 классов, семейному, имеющему 7 детей в возрасте от 4-х до 13 лет, ранее не судимому, работавшему шлифовщиком автобазы Облпотребсоюза, проживающему в городе Талды-Кургане по улице Набережная 92, находившемуся под стражей по данному делу с 5 октября 1973 года — 5 лет лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Каспер, Вальтеру Абрамовичу, рождения 1 апреля 1928 года, уроженцу села Виноградное Курпского района, Северо-Осетинской АССР, немцу, гражданину СССР, беспартийному, образования 5 классов, семейному, имеющему 3-х несовершеннолетних детей в возрасте от 2 до 16 лет, работавшему пилорамщиком в РСУ Казремстройсбыт, проживающему в городе Талды-Кургане по улице Мичурина 29, ранее не судимому, находившемуся под стражей по данному делу с 5-го Октября 1973 года — 5 лет лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Шенбель, Эвальду Августовичу, рождения 8 февраля 1917 года, уроженцу города Оренбурга, Оренбургской

области, немцу, гражданину СССР, беспартийному, образования 5 классов, семейному, имеющему на иждивении 5 несовершеннолетних детей в возрасте от 4-х до 15 лет, неработавшему пенсионеру по старости, ранее не судимому, находившемуся под стражей с 5 октября 1973 года — 3 года лишения свободы условно с испытательным сроком в 3 года.

Ватулко, Вениамину Михайловичу, рождения 4 февраля 1939 года, уроженцу города Кульджи КНР, русскому, гражданину СССР, беспартийному, образования 9 классов, имеющему 7 детей в возрасте от 4 месяцев до 5 лет, работавшему кочегаром на заводе нестандартного оборудования, проживающему в городе Талды-Кургане по улице Гагарина № 57, судимому по статье 90 УК Каз. ССР 25 сентября 1961 года на три года лишения свободы, освобожденному 26 марта 1963 года условно, досрочно на 9 месяцев 13 дней в соответствии со статьей 47 Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, судимость погашена, находившемуся по данному делу под подпиской о невыезде — 5 лет лишения свободы в ИТК строгого режима.

Каспер, Элле Вальтеровне, рождения 16 августа 1949 года, уроженке села Гжу-Агач, Кабальского района Талды-Курганской области, немке, гражданке СССР, беспартийной, образования 10 классов, незамужней, работающей бухгалтером в Талды-Курганском ТМЗУ-47, проживающей в городе Талды-Кургане, улица Мичурина 29, ранее не судимой, находившейся по данному делу под подпиской о невыезде — 3 года лишения свободы в ИТК общего режима.

Кроме того суд лишил родительских прав:

Павлова, Я. Н. в отношении детей: Павла, 1959 года рождения, Ольги, 1961 года рождения, Семена, 1962 года рождения, и Елены, 1964 года рождения.

Ватулко, А. М. в отношении детей: Людмилы, 1960 го-

да рождения, Михаила, 1961 года рождения, Павла, 1963 года рождения, и Петра, 1965 года рождения.

Каспер, В. А. в отношении детей: Самуила, 1956 года рождения, и Петра, 1963 года рождения.

Ватулко, В. М. в отношении детей: Светланы, 1964 года рождения.

Полагаю, что вам прежде всего необходимо отменить этот суровый приговор в том числе потому, что слишком много мест в тексте приговора говорят о разгроме не только церковной, но просто культурной общины. Вот несколько свидетельствующих о том цитат из текста приговора, подписанного Председательствующим Г. Овершиным:

«Для этой цели подсудимые использовали ранообразные формы пропаганды: чтение проповеди, прослушивание магнитных записей, исполнение хоровых и сольных религиозных стихов и песен, литературно-музыкальных композиций, сопровождающихся игрой на музыкальных инструментах» (стр. 2 приговора).

«Организовывались и систематически проводились занятия по обучению несовершеннолетних детей религии в нарушение установленных законом правил» (стр. 4).

«Так сами подсудимые Павлов, Каспер В. А. и Ватулко Анатолий пояснили, что они по договоренности между собой организовали занятия по обучению своих несовершеннолетних детей религии» (стр. 5).

«Свидетель... показала, что дети в основном собираются в субботу и воскресенье. Там всегда хорошо поет религиозные песни подсудимая Каспер Эля» (стр. 5).

«Свидетель... на предварительном следствии в суде пояснила, что она видела, как Каспер Эля на специальном переплетном станке клеила книгу. Подтверждается это и изъятым переплетным станком, а также изъятыми заготовками из тетрадей и книг и изъятыми блокнотами с рукописным текстом, принадлежащими Каспер Эле» (стр. 9).

«Об активном участии ее в деятельности общины свидетельствует запись в блокноте Каспер Эли: «23 апреля 1972 года в 1:00 вылетела в город Алма-Ату. Прибыла благополучно. Попала на детское собрание. Вечером была и на общем. 24 апреля в 10:22 вылетела из Алма-Аты на самолете Караганда-Куйбышев-Рига. Прибыла благополучно по местному времени в 5:00. Встречала Машу»..» (стр. 9).

«Наряду с местными проповедями на пленках записаны проповеди зарубежных радиостанций, выступления приезжих проповедников, широкое привлечение к проповеди женщин, выступления детей с декламациями и песнопениями, проповеди на немецком языке и музыкальные записи религиозного содержания» (стр. 10).

«Вещественные доказательства по делу, магнитофон «Астра», фотоаппарат «Чайка» и фотоувеличитель подлежат конфискации как орудия преступления. Вся литература, сборники, тетради, блокноты, магнитные ленты в кассетах, самодельный переплетный станок и две застекленные рамки с божественным писанием подлежат уничтожению, а две застекленные рамки с вышивками, не содержащими божественного писания, подлежат возвращению семье Ватулко Анатолия» (стр. 11).

Полагаю, кроме того, что вам надлежит отменить постановление от 3/6 1966 года. Это необходимо и важно сделать по следующим причинам:

1. Приблизило бы практику к требованиям Пактов.
2. Явилось бы хорошим примером для братских верховных судов Таджикистана и Киргизии, где также известны аналогичные случаи усердия местных властей. Так в городе Душанбе 16 сентября 1973 года милиция грубо разогнала собрание членов местной церкви ЕХБ по случаю праздника жатвы. А в городе Фрунзе местные власти разогнали молитвенное богослужение, связанное с бракосочетанием членов местной церкви ЕХБ.
3. Уменьшило бы число заявлений и жалоб в централь-

ные органы в Москве, которые, как известно, довольно болезненно реагируют на подобные письма. Ведь необходимость обращаться в центр означает неверие в желание местных властей исправить нарушение. А это в свою очередь исключает возможность относиться к подобным явлениям, как к отдельным недостаткам.

14 марта 1974 г.

А. Н. Твердохлебов

ПРАВО ОСУЖДЕННОГО НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ БРАКА

Министру внутренних дел СССР Щелокову Н. А.
от Твердохлебова А. Н., (адрес)

З А Я В Л Е Н И Е

Прошу Вас удовлетворить ходатайство Ольги Юрьевны Иофе, с которым она обратилась к Вам в своем заявлении от 13.05.73 г.* Она просит, в порядке исключения из правил Вашего ведомства, дать разрешение на регистрацию брака с Хаустовым Виктором Александровичем, который в настоящее время находится в следственном изоляторе г. Орла (учреждение ИЗ-55/1). Я присоединяюсь к ее прошению по причинам, изложенным ниже.

1. Мне, как и всем близким и друзьям Оли Иофе, совершенно ясно, что ее решение добиться официального закрепления и признания своего замужества вызвано отнюдь не романтическим порывом молодой женщины разделить судьбу страдальца, но принято давно и остается неизменным вопреки всем трагическим обстоятельствам, постигшим ее семью, и что усилия кого бы то ни было удержать ее от якобы опрометчивого шага будут совершенно неуместны и не соответствовали бы истинному характеру ее отношений с Виктором Хаустовым. Я уверен, что эта семья будет прочной ячейкой в любом государстве.

2. Начальник следственного изолятора г. Орла Глухов отказался содействовать регистрации брака, ссылаясь на существующее в Вашем ведомстве положение. Нормативный акт, на который ссылается Глухов, как я полагаю, направлен все же лишь на то, чтобы *не поощрять* регистрацию брака с заключенными. И не представляю

* См. Приложения к этому заявлению (В. Ч.).

себе, чтобы целью какого бы то ни было нормативного акта было *лишить* заключенных права на брак и, с другой стороны, *лишить* человека права на брак с заключенным без всяких исключений. (Указанное Глуховым исключение для лиц, «имеющих от совместной жизни детей», носит характер, очевидно, уступки родительскому, а не супружескому праву). Разумные основания для подобного акта можно пытаться усмотреть лишь в том, что власти стремятся удержать оставшихся на свободе членов семьи (как правило женщин) от закрепления семейных отношений в условиях, неприспособленных для нормальной семейной жизни, ибо и для женщины и для государства будет лучше, если она найдет себе другого мужа, не заключенного, и построит нормальную советскую семью. Подобные претензии властей на устройство счастья своих сограждан, во всяком случае, традиционны для России и, хотя бы поэтому, их не всегда следует считать неоправданными.

Но если женщина «не может даже и думать о том, чтобы отказаться от семейной жизни с любимым человеком» (я цитирую слова О. Иофе), то это такой случай, который должен рассматриваться как исключительный для любого нормативного акта, претендующего на регламентацию человеческих отношений и людских норм.

Я надеюсь, что, как и в некоторых других подобных случаях, Ольга Иофе получит официальное признание своей семьи, и прошу Вас оказать ей в этом содействие.

19 мая 1973 г.

А. Твердохлебов

Приложение 1

**Начальнику следственного изолятора г. Орла
от гр-ки Иофе Ольги Юрьевны, (адрес)**

З А Я В Л Е Н И Е

Я хочу зарегистрировать брак с Хаустовым Виктором Александровичем, который содержится во вверенном Вам

следственном изоляторе. Хаустов является моим фактическим мужем. Мы проживали совместно и вели общее хозяйство. 17-го января этого года Виктор Хаустов был арестован в моей квартире в г. Москве. И я и он заявили о наших отношениях ст. следователю УКГБ при СМ СССР капитану Ильину, который ведет следствие по делу Хаустова.

В отделе ЗАГС Первомайского р-на гор. Москвы (по месту моей прописки) мне было сообщено, что для регистрации брака я должна подать заявление в отдел ЗАГС г. Орла. Такое же заявление должен направить в ЗАГС Хаустов В. А. через администрацию изолятора. Поэтому очень прошу Вас сообщить Виктору Хаустову, что я подаю в ЗАГС заявление о регистрации брака. Прошу Вас отобрать у него и направить в ЗАГС такое же заявление. Прошу срочно сообщить мне, когда и в какой именно отдел ЗАГС будет послано заявление Хаустова, чтобы я могла направить туда же свои документы. Кроме того, прошу Вас договориться с начальником отдела ЗАГС о том, чтобы сотрудники ЗАГС были приглашены в изолятор для регистрации брака.

26 апреля 1973 г.

Иофе

Приложение 2

Гражданке Иофе Ольге Юрьевне, (адрес)

На Ваше заявление сообщаю, что согласно существующего порядка положения регистрация брака с заключенным разрешается в исключительных случаях с лицами, совместно проживавшими с ними до ареста и имеющими от совместной жизни детей.

Судя же по Вашему заявлению, детей от совместной жизни у Вас нет, и в связи с этим регистрация брака разрешена быть не может.

ИЗ-55/1 гор. Орла

Начальник учреждения, Глухов

Приложение 3

Министру внутренних дел СССР Щелокову Н. А.
от гр-ки Иофе Ольги Юрьевны, (адрес)

З А Я В Л Е Н И Е

17-го января 1973 г. в моей квартире в г. Москве был арестован мой фактический муж Хаустов Виктор Александрович. Ему предъявлено обвинение по ст.ст. 70 и 72 УК РСФСР. К сожалению, обстоятельства сложились так, что к моменту ареста Виктора наш брак еще не был зарегистрирован. И я и Виктор заявили следствию о сложившихся между нами семейных отношениях.

Я обратилась к начальнику следственного изолятора г. Орла (учреждение ИЗ-55/1), где находится Хаустов, Глухову с просьбой содействовать регистрации нашего брака. В этой просьбе мне было отказано на том основании, что у нас с Виктором нет детей. (Копию моего заявления Глухову и его ответа прилагаю).

Мне это тем более больно, что в момент ареста Виктора я была беременна. Потрясение, вызванное этим арестом, привело к потере нашего ребенка. (Если понадобится, я могу представить медицинскую справку). Я никогда не стала бы писать Вам о таких сугубо личных обстоятельствах, если бы меня не вынуждала к этому крайняя необходимость. Но я надеюсь, что это обстоятельство еще более убедит Вас в том, что отказ в регистрации нашего брака разрушит уже сложившуюся семью. Я не могу даже думать о том, чтобы отказаться от семейной жизни с любимым человеком. Поэтому я считаю необходимым сделать все возможное для сохранения семьи, как бы ни противоречили этому условия. Ни травма, вызванная арестом моего мужа, ни предстоящая ему судьба не только не изменили моего отношения к Виктору, но лишь укрепили мое желание продолжать наши семейные отношения.

Мне известно, что кроме случаев разрешения регистрации заключенным, имеющим детей, имеются и другие исключения. Конкретно я знаю, что в следственном изоляторе разрешили регистрацию Смолкину и Квачевскому. Мне кажется, что изложенных мной обстоятельств вполне достаточно, чтобы сделать исключение и в нашем случае.

Поэтому я настаиваю на своем праве на брак и прошу Вас дать разрешение на регистрацию этого брака, которое официально закрепит наши семейные отношения.

13 мая 1973 г.

Иофе

Приложение 4

**В Министерство юстиции СССР
от гр-ки Иофе Ольги Юрьевны, (адрес).**

З А Я В Л Е Н И Е

Прошу ответить мне, где я могу ознакомиться с Положением МВД, устанавливающим порядок регистрации брака с лицами, находящимися в местах заключения.

Меня, в частности, интересует следующее:

1) Существуют ли какие-нибудь ограничения права на брак.

2) Если ограничения существуют, то распространяются ли они полностью или частично на подследственных, содержащихся под стражей.

3) Какие исключения допускает установленный порядок для фактически сложившейся семьи, не имеющей детей от этого брака.

4) Какие лица или государственные органы уполномочены давать разрешение на регистрацию брака с заключенным.

13 мая, 1973 г.

Иофе

Приложение 5

копия

Министерство Юстиции СССР

Москва, 109830, ул. Обуха, 4

18 мая 1973 г. № 8-15-152

Министерство Внутренних Дел СССР

Копия: гр-ке ИОФЕ О. Ю. (адрес)

Направляется по принадлежности заявление гр-ки ИОФЕ О. Ю. о порядке и условиях регистрации брака лиц, находящихся в исправительно-трудовых учреждениях.

Прошу ответить гр-ке ИОФЕ О. Ю.

Приложение на 1стр.

(Начальник Отдела нотариата и ЗАГСов — подпись —
Н. Белый)

Приложение 6.

Иофе О. Ю. (адрес)

Сообщаем, что Ваше заявление, поступившее в МВД СССР, направлено на рассмотрение в ОИТУ УВД Орловского облисполкома (г. Орел), откуда Вы получите ответ.

Зам. начальника Секретарата ГУИТУ МВД СССР

— подпись —

№ 6/6860

21 мая 1973 г.

ПРАВО ПОКИДАТЬ СТРАНУ

**Председателю Президиума Верховного Совета СССР
Н. В. Подгорному**

14/1-74 г. сотрудник московского ОВИРа отказал в разрешении на выезд из Советского Союза писателю А. А. Галичу. В беседе, которая состоялась у А. А. Галича с должностным лицом в ОВИРе, выяснилось, что этот отказ вызван опасениями идеологического характера. Этот факт представляется нам весьма зловещим. За последние 2-3 года идеологические мотивы не приводились (во всяком случае, официально) как обоснование для отказа в выезде. Возможно, в этом проявилась добрая воля властей, уже как бы предчувствовавших будущую ратификацию Советским Союзом «Пакта о правах человека» ООН.

Создавшееся фактически положение, пусть и с большой натяжкой, все же можно было истолковать как признание самого права граждан СССР на выезд. Если бы идеологические мотивы участвовали в решении таких вопросов три года назад, Советский Союз не смог бы покинуть ни один человек. Во всяком случае, в 1972 году в графе анкеты ОВИРа о мотивах отъезда один из отъезжающих записал: «В связи с представившейся, наконец, возможностью».

Идеологические мотивы, коль скоро они будут присутствовать в решении вопроса о выезде, несомненно, эту возможность снова закроют.

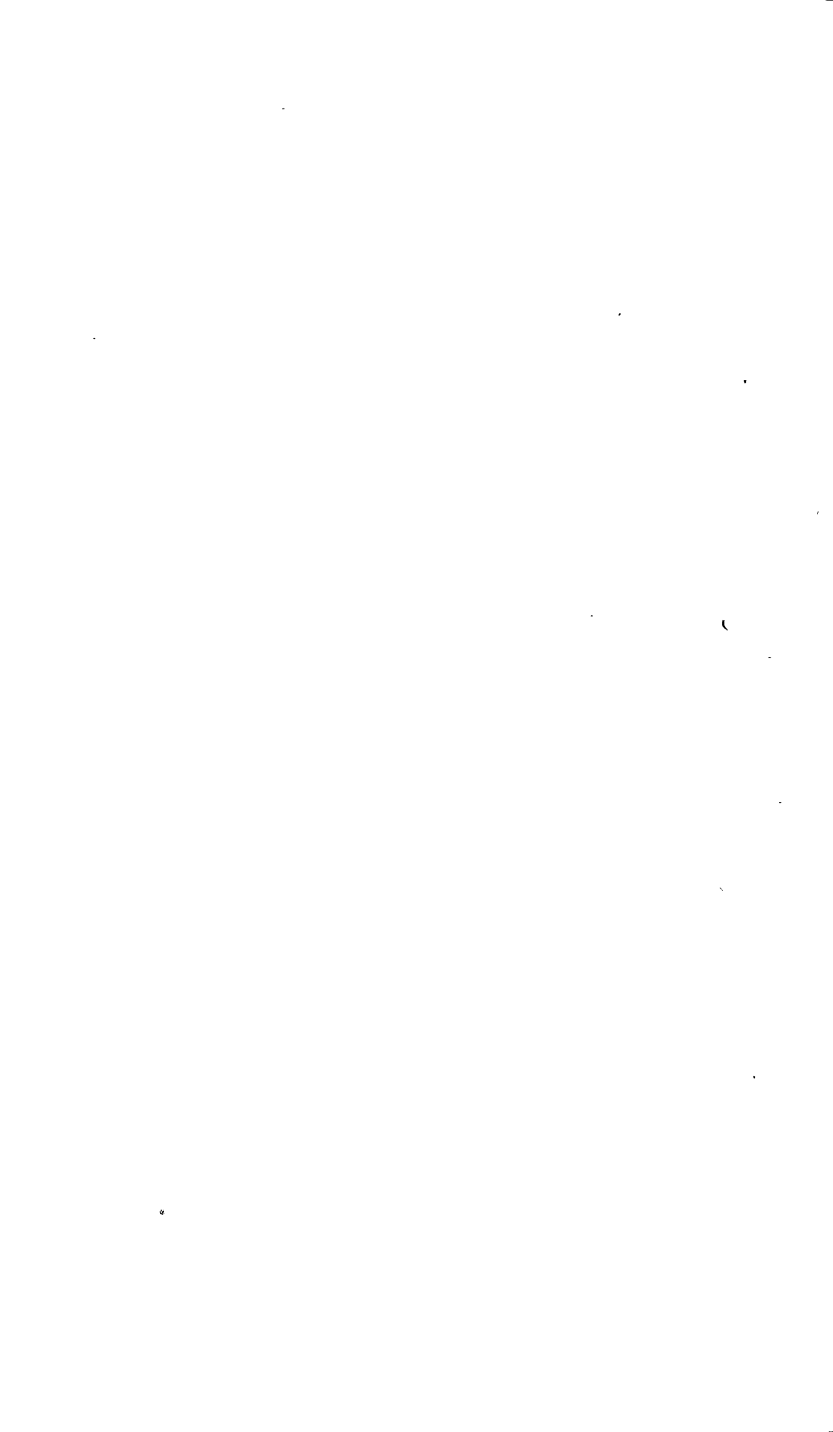
Хочется думать, что этот инцидент является всего лишь случайным казусом, своего рода атавизмом, и своевременно будет исправлен вышестоящей инстанцией. В противном случае, этот прецедент бросит тень на

множество отказов, мотивированных соображениями государственной безопасности. Действительно, нет никакой уверенности в том, что в этих отказах не присутствовали «идеологические» мотивы. Прямо скажем, что большую часть подобных отказов и раньше было невозможно разумно обосновать в свете признания самого права покидать страну проживания. Данный случай, если его рассматривать как прецедент, прямо указывает на скрытую причину всех этих отказов и заставляет сопоставить их с соответствующей статьей (Статья 12) Пакта о гражданских и политических правах.

Мы надеемся, что Вы данной Вам властью исправите эту несомненную ошибку ОВИРа, которая ставит в весьма щекотливое положение Президиум Верховного Совета СССР, ратифицировавший менее чем полгода назад Пакт о гражданских и политических правах ООН.

16 января 1974 г.

Проф. А. Воронель
А. Твердохлебов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОМИТЕТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Андрей Твердохлебов был одним из трех учредителей московского Комитета прав человека и в течение двух лет участвовал в его деятельности.

Документы Комитета за первый год деятельности были изданы Международной лигой прав человека в Нью-Йорке.

ПРИНЦИПЫ КОМИТЕТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Исходя из убеждения, что проблема обеспечения прав человека важна для создания благоприятных условий жизни людей, упрочения мира и развития взаимопонимания и является неотъемлемой областью современной культуры;

стремясь содействовать международным усилиям по пропаганде прав человека и изысканию эффективных путей обеспечения прав;

отмечая возросший в последние годы среди граждан СССР интерес к этой области культуры;

выражая удовлетворение достигнутыми с 1953 года в СССР успехами в этой области права и стремясь консультативно содействовать дальнейшим усилиям государства в создании гарантий по защите прав с учетом специфики проблемы в условиях социалистического строя и специфики советской традиции в этой области,

А. Д. Сахаров, А. Н. Твердохлебов, В. Н. Чалидзе решили совместно продолжать деятельность по конструктивному изучению проблемы в качестве Комитета прав человека на основе следующих принципов:

1. Комитет прав человека является творческой ассоциацией, действующей в соответствии с законами государства, настоящими Принципами и Регламентом Комитета.

2. Членами Комитета могут быть лица, руководствующиеся, когда они действуют как члены Комитета, настоящими Принципами и Регламентом, признанные в этом качестве Комитетом в соответствии с процедурой, предусмотренной Регламентом, не являющиеся членами политических партий или иных

организаций, претендующих на участие в государственном управлении, а равно организаций, принципы которых допускают участие в ортодоксальной или оппозиционной политической деятельности,

не намеренные использовать свое участие в Комитете в политических целях.

3. Целями деятельности Комитета являются:

консультативное содействие органам государственной власти в области создания и применения гарантии прав человека, проводимое по инициативе Комитета или по инициативе заинтересованных органов власти,

творческая помощь лицам, озабоченным конструктивными исследованиями теоретических аспектов проблемы прав человека и изучением специфики этой проблемы в социалистическом обществе,

правовое просвещение, в частности, пропаганда документов международного и советского права по правам человека.

4. В теоретическом исследовании и конструктивной критике современного состояния системы правовых гарантий свободы личности в советском праве Комитет

руководствуется гуманными принципами Всеобщей Декларации прав человека,

исходит из признания специфики советского права, учитывает сложившиеся традиции и реальные трудности государства в этой области.

5. Комитет готов к творческим контактам с общественными и научными организациями, с международными неправительственными организациями, если в своей деятельности они исходят из принципов Объединенных Наций и не ставят своей целью нанесение ущерба Советскому Союзу.

Москва, 4 ноября 1970.

А. Д. Сахаров

А. Н. Твердохлебов

В. Н. Чалидзе

ЗАМЕТКИ О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ОБЛАСТИ УСИЛЕНИЯ БОРЬБЫ С ЛИЦАМИ, УКЛОНЯЮЩИМИСЯ ОТ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛЕЗНОГО ТРУДА И ВЕДУЩИМИ АНТИОБЩЕСТВЕННЫЙ ПАРАЗИТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ.

Доклад Комитету прав человека

А. Твердохлебов

Настоящие заметки посвящены обсуждению Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 февраля 1970 года, в дальнейшем именуемого просто указом 70 года.

1. Взгляд и нечто. Выбор подхода.

Объектом Указа 1970 года, как видно из ст. 1 этого Указа, являются «...совершеннолетние трудоспособные граждане, не желающие выполнять важнейшую конституционную обязанность честно трудиться по своим способностям...». Ссылка на конституционную обязанность заставляет обратиться к Конституции СССР и, по изучении её, рассматривать Указ 1970 года как этап в развитии гарантий ненарушения гражданами Советского Союза части 1 ст. 12 Конституции: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу «кто не работает, тот не ест». Такая точка зрения требует освещения вопроса о смысле лапидарной фразы «кто не работает, тот не ест» (★).* Для этого полезно будет обратиться к идеям так называемого трудового начала в праве, о котором

* Позволю себе в дальнейшем использовать символ (★) для обозначения этой фразы-символа.

кратко говорится следующее (Малый энциклопедический словарь, Брокгаузь-Ефронъ, 2-е изд., т. 2, 1909 г., С.-Петербургъ):

«Трудовое начало. Под этим термином чаще всего понимают теорию, выдвинутую исследователями обычного права нашего крестьянства (Барыков, Оршанский, в особенности г-жа Ефименко и др.), по которой в обычном праве земледельческого населения в России и других славянских странах преобладающим фактором правовой жизни и правосознания является начало труда в противоположность началам формально-юридическим, господствующим в праве привилегированных классов. Согласно этой теории, единственным справедливым источником имущественных прав и, в частности, собственности признается народом только труд. См. Оршанский, «Исследования по русскому праву обычн. и брачн.» (1879); Ефименко, «Исследования народной жизни» (1884)...»

Преобладание указанного фактора правосознания, очевидно, было обусловлено остротой проблемы, которая состояла в том, что работающий в целях пропитания добивался весьма жалких результатов по сравнению с пропитанием, обеспечиваемым собственностью или владением. Смысл фразы (★), буквально понимаемой «уморить с голоду всех, чьи занятия не признаются за работу», состоял в том, что эта её столь острая установка соответствовала (как антитеза), выражала остроту отмеченной выше и реально существующей проблемы. В тех условиях это, повидимому, единственный разумный смысл, который можно приписать фразе (★).

Однако ко времени принятия ныне действующей Конституции отмеченные теоретиками трудового начала в праве преобладающие факторы правосознания и (или) отсутствие формально-юридических начал, плодотворно сочетаясь с идеями марксизма, привели к исчезновению в России частной собственности на «средства производ-

ства», в том числе частного землепользования вообще, и в качестве источника пропитания, в частности. Первоначальный смысл фразы (★) исчез, и вопрос, какие проблемы советской действительности отражает радикальная формула (★), остается открытым.

Но возможна и другая, обратная постановка вопроса, которую можно счесть если не разумной, то во всяком случае правильной по соответствию степени остроты проблем: насколько точно реально существующие имущественные отношения удовлетворяют формуле (★). В свете такой постановки вопроса,* очевидно, и следует рассматривать законодательство в области развития гарантий ненарушения ч. 1 ст. 12 Конституции СССР.

Таким образом, формула (★) ныне представляет собой принцип (каковым она и названа в Конституции), утверждающий определенную норму поведения. Это диктует стремление к формальному его рассмотрению, а коль скоро рассмотрение касается имплементации этого принципа в правовой системе, то и к формально-юридическому подходу.

2. Постановка проблемы. Сомнения в плодотворности формально юридического подхода. Уточнение выбранного подхода.

Поскольку объектом принципа (★) является человек, следует предполагать, что множество тех, кто не ест — пусто. Следовательно, для того, чтобы формула (★) была справедливой, необходимо, чтобы множество тех, кто не работает, также было пусто. Или точнее, вспоминая ч. 1 ст. 12 Конституции, чтобы тех, чьи занятия или промысел не признаны «работой» и кто признан

* «Тунеядцы, стяжатели, воры, спекулянты, бюрократы — это последнее прибежище чуждой нам идеологии и морали. Против них необходимо вести беспощадную борьбу, используя всю мощь общественного воздействия и всю силу советских законов» (Из постановления ЦК КПСС, июнь 1963 г., «Правда», 22 июня 1963 г.).

способным к «работе» — чтобы таких не было. (Здесь и далее под «работой» понимается деятельность, признанная таковой).

Такого положения или максимально близкого к нему можно достигать весьма различными способами. Мы же интересуемся имплементацией принципа (★) в позитивном праве, которое реализует какие-либо принципы только в той степени эффективности реализации, в какой оно защищает эти принципы от нарушения, устанавливая процедуру и степень ограничения прав лица, нарушившего принцип, т.е. в данном случае ограничения прав трудоспособного лица, реализовавшего право питаться не «работая».

Из вышесказанного следует, что для имплементации принципа (★) в позитивном праве должны быть установлены следующие принципы и процедуры:

1. признания той или иной деятельности «не работой» (толкование терминологии закона);
2. признания лица способным к «работе» (правомерность привлечения данного лица к ответственности);
3. установление того, что данное лицо уклоняется от «работы» (установление вины);
4. ограничение прав лица, не выполняющего принцип (★).

Целью заметки является, собственно, проследить, как вышеперечисленные принципы и процедуры реализуются в законодательстве и, в особенности, в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 февраля 1970 г. На этом пути встретятся различные трудности, о главной из которых следует предупредить заранее.

Попытка расшифровать смысл, заключенный во фразе (★), привела к выбору формально-юридического подхода. Кроме того, формальный подход к нормативным актам в конкретной области права привлекателен отчасти тем, что не обращаясь к другим источникам суждений

или авторитету кого-либо, претендует на выводы, которые должны давать ответ на вопрос, в каких случаях и какие определенные деяния или поведение лица приведут к определенным ограничениям его прав, а какие не приведут. Если эти претензии окажутся несостоятельными и не следующие из формальных рассуждений ограничения прав все-таки произойдут, например, по суду, то в этом случае выводы формальных рассуждений будут полезны для доказательства несправедливости произошедшего перед судом второй инстанции, судом своих друзей и родных или, в крайнем случае, перед судом своей совести. Возможность формального подхода наравне с доступностью текста закона является необходимым условием разумного обоснования важнейшего правового принципа презумпции знания законов. Грубо говоря, прочел — рассудил — понял: посадят (или не посадят). Должен сразу предупредить, что в приложении к обсуждаемой проблеме формальный подход не приводит к выработке отмеченных выше и приятных многим иллюзий. Эта привлекательная сторона формального подхода отсутствует, так сказать, начисто. Суть дела в том, что в Указе отсутствуют какие-либо принципы или процедура признания той или иной деятельности «не-работой» (см. п. 1 выше). Более того, введенное в Конституции с помощью глагола «работать» и не определенное в ней понятие вообще не фигурирует в установленных Указом процедуре и принципе ограничения прав. Вместо этого появляются новые, и также неопределяемые, понятия «общественно полезный труд» и «антиобщественный паразитический образ жизни». Бремя толкования этих терминов целиком ложится на исполкомы районных (городских) Советов депутатов трудящихся, которые, по Указу 1970 г., и выносят решение о принудительном трудоустройстве лица, к которому должны относиться эти термины. Может показаться, что судебная практика по делам, связанным с обвинением по ст. 209¹

«Злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования», введенной Указом 1970 г. в УК РСФСР, позволит, благодаря гласности судопроизводства, понять конкретное содержание этих терминов, например в результате изучения обвиняемым или другими заинтересованными лицами текстов приговоров. Однако это не так, ибо введенные Указом с помощью терминов «общественно полезный труд» и «антиобщественный паразитический образ жизни» и не определяемые в нем понятия вообще не фигурируют в установленных ст. 209¹ процедуре и принципах ограничения прав. Преступным деянием, рассматриваемым ст. 209¹, является **«злостное уклонение... от выполнения решения исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся о трудоустройстве и прекращении паразитического существования»** (подчеркнуто мной — А. Т.). А лицом, обвиняемым в этом деянии, может быть лишь ведущее «антиобщественный образ жизни». Как видим, из приговора суда можно будет выяснить разве что разъяснение понятий «злостное уклонение от выполнения решения исполкома» и «антиобщественный образ жизни». «Антиобщественный образ жизни», конечно, близок по форме к «антиобщественному паразитическому образу жизни», но исчезнувшее слово «паразитический» устраняет даже намек на связь между терминами «антиобщественный образ жизни» и «работа». Возможно, например, что попытка участвовать в спортивных состязаниях, не являясь членом какого-либо спортивного общества, будет сочтена попыткой к антиобщественному образу жизни.

Вопрос, тем не менее, оказывается не столь упрощенным, как это следует из текста Указа 1970 г. и ст. 209¹. Статья 14 ОУС Союза ССР и союзных республик и, соответственно, ст. 20 УПК РСФСР накладывает требования всестороннего, полного и объективного исследова-

ния обстоятельств дела, к которым следует причислить и вопрос о законности и обоснованности вынесенного исполкомом решения. А ст. 205 УПК РСФСР непосредственно требует, чтобы в описательной части обвинительного заключения были изложены все существенные обстоятельства дела. При этом вопрос о существенности тех или иных обстоятельств не оставляется целиком на усмотрение суда — ст. 205 требует изложения в обвинительном заключении доводов обвиняемого в свою защиту и результатов проверки этих доводов. Такими доводами могут являться свидетельства о незаконности или необоснованности решения исполкома.*

Чтобы из-за отмеченной выше непоследовательной перенасыщенности терминологией не прерывать всё же пути формального подхода в изучении Указа 1970 года, будем рассматривать в соответствующих местах термины «общественно полезный труд» и «антиобщественный паразитический образ жизни» в качестве замены термина «работа» и «не-работа», причем с учетом той особенности, которая заключена в понятии «образ жизни».

Итак, перефразируем введенные в начале этого параграфа пункты 1-4 в соответствии с терминологией и положениями Указа 1970 г.:

* В Бюллетене Верховного Суда РСФСР № 3, 1972 г., стр. 16, излагается дело об осуждении лица, обвиненного в проживании без прописки, и об отмене приговора решением Президиума Мосгорсуда по протесту прокурора Москвы в связи с незаконным отказом в прописке. Тем самым решения административных властей, в нарушении которых обвиняется лицо (в данном случае решение об отказе в прописке), считаются подлежащими рассмотрению судом и притом самым существенным образом, ибо, как озаглавлено в Бюллетене данное извлечение, «лицо, проживающее без прописки в связи с незаконным отказом в ней, не может быть признано нарушителем паспортных правил». Это предписание естественно распространить: «лицо, не оформившееся на работу на предприятие, куда оно было в принудительном порядке направлено на работу по незаконному решению исполкома, не может быть признано виновным по статье 209¹».

1. признание образа жизни лица «антиобщественным и паразитическим» и деятельности лица не «общественно полезным трудом»;

2. признание лица трудоспособным;

3. установление того, что данное лицо злостно уклоняется от решения исполкома;

4. ограничения прав лица, ведущего не определенный образ жизни, называемый «антиобщественным паразитическим», и не занимающегося не определенной деятельностью, называемой «общественно полезным трудом».

После этого я перехожу к последовательному освещению этих пунктов 1-4 в параграфах 3.1-3.4.

3.1 Принципы и процедура признания образа жизни лица «антиобщественным и паразитическим», а деятельности лица не «общественно-полезным трудом».

Как отмечалось в предыдущем § 2 бремя выработки этих принципов и процедуры, в том числе вопроса о гласности решений, целиком ложится на исполкомы. Это — тяжелое бремя, потому что следует, во всяком случае, признать, что какой бы то ни было «образ жизни» это не «образ мыслей», и складывается он из ряда поступков, каждый из которых не является преступным деянием (обсуждение деяний, содержащих состав преступления, находится вне компетенции исполкомов),* а в совокуп-

* См. «Комментарий к УК РСФСР», М. Юр. лит., 1971 г., стр. 346-350, ст. 162 «Занятие запрещенным промыслом». Комментарий к ст. 162 весьма подробен (14 пунктов комментария, 11 ссылок на нормативные акты). Кроме того в УК РСФСР специально предусмотрены запрещения конкретных промыслов: «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» — ст. 153 (см. там же 16 пунктов комментария, 5 ссылок); «Спекуляция» — ст. 154; «Самогонование» — ст. 158; «Бродяжничество» — ст. 209; «Незаконное врачевание» — ст. 221; «Содержание притонов и сводничество» — ст. 226.

ности своей эти поступки слагаются в такой образ жизни, что по выяснению одного исполком должен вынести решение, возможным следствием которого является уголовное наказание лица — объекта решения. Раньше (по Указу 1961 г., включая изменения, внесенные в него Указом 1965 г.) это бремя ложилось на районные (и городские) Народные суды, которые выносили постановления (а не приговор или решение) об административном выселении лиц — объектов Указа (подробнее об этом см. в § 3.4). Известен случай (дело К.), когда народный суд не справился с возложенной на него задачей истолкования терминологии Указа (дело слушалось до Указа 1970 г.)**

Всё, что говорится в Указе 1970 г. об обсуждаемых здесь процедурах, — это: «исполком... рассматривает эти материалы в 10-дневный срок в присутствии лица, уклоняющегося от общественно полезного труда». В приведенной выдержке под «этим материалами» подразумеваются материалы, которые направлены в исполком органами внутренних дел. Забота о полноте этих материалов ложится, следовательно, на органы внутренних дел. Однако, специально не предусмотрена процедура пересмотра решения в тех случаях, когда эти «материалы» оказываются явно не полными или не соответствующими положению в момент их рассмотрения. Лицо, вызванное в исполком в качестве уклоняющегося от «общественно полезного труда», в случае добросовестного отношения

** Вот выписка из дела К.: «Дело № 5-Д71 пр-690-1971 (23 августа 1971 г.). Определение коллегии по уголовным делам РСФСР по протесту заместителя прокурора РСФСР на постановление районного суда в Москве: «...Для выселения лица, согласно Указу от 4 мая 1961 г. было недостаточным установление лишь того факта, чтобы лицо на протяжении определенного времени не работало, а необходимо было установить, что оно вело антиобщественный паразитический образ жизни и извлекало нетрудовые доходы. По данному материалу этих признаков не установлено...» ...*Определила*: «постановление народного суда отменить».

к предстоящему решению исполкома и (или) собственному присутствию при рассмотрении исполкомом этих материалов о нем, может, в свою очередь заботиться о полноте этих материалов и направлять в соответствующие органы внутренних дел (а для удобства последних — копию в исполком) все документы и сведения, которые, по его мнению, следует рассматривать исполкому в его присутствии в качестве «этих материалов».

3.2 Признание лица трудоспособным

Презюмируется, что лицо — объект Указа 1970 г. является трудоспособным или, во всяком случае, способным к тому «общественно полезному труду», к которому оно привлекается по решению исполкома. Это — естественная презумпция, тем более, что она подкрепляется Законом РСФСР «О здравоохранении», введенным в действие с 1 ноября 1971 г. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 29 июля 1971 г. В Законе говорится (статья 3): «Граждане РСФСР должны бережно относиться к своему здоровью и здоровью других членов общества». Поэтому, в случае возникновения сомнений в способности лица к тому «общественно полезному труду», к которому оно привлекается, это лицо либо по собственной инициативе (в порядке исполнения долга бережного отношения к своему здоровью), либо по инициативе исполкома (в порядке исполнения долга бережного отношения к здоровью других членов общества) должно получить заключение медицинской экспертизы о длительной или постоянной потере трудоспособности, о которой говорится в ст. 85 Закона о здравоохранении. Экспертиза «проводится врачебно-трудовыми комиссиями (ВТЭК), которые устанавливают степень утраты трудоспособности, группу и причину инвалидности; определяют для инвалидов условия и виды труда, работы и профессии, доступные им по состоянию здоровья... Заключение ВТЭК об условиях и характере тру-

да инвалидов являются обязательными для администрации предприятий, учреждений и организаций».

Обязательность заключения ВТЭК позволяет полагать, что решение исполкома о привлечении лица — объекта Указа 1970 года к «общественно полезному труду» приостанавливается на время проведения врачебно-трудовых экспертиз и вынесения заключения ВТЭК в тех случаях, когда администрация предприятия (стройки), куда по решению исполкома направляется лицо-объект Указа, предлагает этому лицу работу, которую оно предположительно не может выполнять по состоянию здоровья.

3.3 Злостное уклонение от выполнения решения исполкома.

Вина лица — объекта Указа 1970 года на стадии судебного рассмотрения состоит не в уклонении от «работы», а в уклонении от выполнения решения исполкома. Поскольку говорится о злостном уклонении от исполнения «решения» (в единственном числе), а не от «решений» то следует полагать, что неявка на предприятие (стройку), куда направлено решением исполкома лицо, может рассматриваться судом как злостное уклонение. И нет никаких оснований считать, что злостным уклонением суд признает только неоднократную неявку на предприятия (стройки).

Однократная неявка в надлежащий срок не может считаться злостным уклонением, если лицо временно нетрудоспособно (имеется больничный лист о временной нетрудоспособности на время, превышающее необходимое для явки на предприятие). Если лицо — объект Указа, в надлежащий срок явилось на предприятие, но не оформилось на работу либо в связи с задержкой оформления не по его вине, либо в связи с прохождением врачебно-трудовой экспертизы при сомнениях лица в способности выполнять им работу, предложенную администрацией предприятия, — в этих случаях суд, очевидно,

не должен считать несвоевременное оформление как злостное уклонение. Таким же образом комментируется «злостное уклонение» ст. 209¹ УК РСФСР в «Комментарии к УК РСФСР», Юр. Лит., М., 1971 г.

3.4 Ограничение прав лица, ведущего не определенный образ жизни, называемый «антиобщественным паразитическим», и не занимающегося не определенной деятельностью, называемой «общественно полезным трудом».

Особенностью обсуждаемой области законодательства является то, что наказание назначается в порядке репрессии против лица определенного образа жизни, а не против лица, виновного в совершении каких-либо деяний. Это, конечно, связано с тезисом об использовании права в идеологической борьбе (см. сноску на стр. 7), но причины не столь интересны и важны, как фактическое разрешение довольно противоречивой, хотя и не новой для советского права, задачи осуществления в праве процедуры наказания за «образ жизни».*

Характер и степень наказаний, а также их юридическое оформление изменялись по мере редакционных изменений Указа 1961 года и различны на разных этапах применения Указа в каждой редакции.

По характеру эти применявшиеся и применяемые наказания делятся на: лишение свободы выбора деятельности (принудительное трудоустройство); лишение свободы выбора места жительства (высылка); ограничение

* Ст. 3 ОУС Союза ССР и союзных республик и ст. 3 УК РСФСР требуют, чтобы уголовному наказанию подлежало лицо, виновное в совершении *деяния*, и требует, чтобы уголовное наказание применялось только по приговору суда. Следовательно, наказание, назначенное лицу, виновному в том, что оно вело какой-то образ жизни, даже если оно и назначается по суду, не может считаться уголовным наказанием. Соответственно, нормативный судебный акт о назначении такого наказания называется не приговором, а постановлением.

права на справедливое вознаграждение за труд (исправительные работы) и лишение свободы передвижения (заключение). Причем каждое последующее из последовательности вышеуказанных наказаний включает в себя предыдущие. Высылка сопровождается принудительным трудоустройством, исправительные работы предполагают обязательный труд, а срок их не засчитывается в срок высылки, и т.д. Кроме того, каждое последующее наказание назначается лишь на том основании, что лицо — объект Указа уклонялось от предыдущего, т.е. виновно уже в определенном деянии.

С точки зрения юридического оформления применяемые наказания делятся на уголовные и административные (не уголовные в смысле ст. 3 ОУС). Причем первым из наказаний, применявшихся и применяющихся в отношении лиц — объектов Указа, обязательно является административное, а не уголовное, именно потому, очевидно, что последнее предполагает наличие преступного **деяния**.

Вот как применялись и применяются наказания из вышеперечисленной последовательности.

1961-1965 гг.

1. Высылка в специально отведенные местности на срок от 2 до 5 лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения, назначаемая как по постановлению рай/гор/нарсуда, так и по общественному приговору, вынесенному коллективом трудящихся предприятий, цехов и т.п. и утвержденному рай/гор/исполкомом, — административное наказание, состоящее в лишении свободы места жительства с одновременным лишением свободы выбора деятельности, притом специально оговорено, что нет процедуры кассационного обжалования перед вышестоящей инстанцией. («Постановления рай/гор/нарсуда являются окончательными и обжалованию не подлежат»). Это не исключает, конечно, обжалования в порядке надзора (см. сноску о деле К.).

2. Исправительные работы с удержанием 10% заработка без лишения свободы, назначаемые нарсудами (не сказано, по приговору или по постановлению) для лиц, уклоняющихся от «труда в местах поселения». Неясная формулировка этого пункта Указа 1961 года привела к различным его толкованиям и обсуждениям вопроса, является ли данное наказание уголовным или административным. В итоге это наказание было сочтено административным.* (Аналогичные наказания по соответствующим Указам в Литве и Эстонии считались уголовными). Время отбывания исправительных работ в срок высылки не засчитывается.

3. Исправительные работы с лишением свободы, назначаемые за деяние, предусмотренное ст. 28 УК РСФСР «Последствия злостного уклонения от исправительных работ без лишения свободы» — административное наказание.** Также в срок высылки не засчитывается.

4. Побег с места поселения или с пути следования на поселение наказывается в соответствии со ст. 186 УК РСФСР лишением свободы на срок до одного года*** — уголовное наказание.

1965-1970 г.г.

Изменения, внесенные редакцией 1965 года, в ранее применявшихся наказаниях 1-4 следующие:

1. Остается обязательное трудоустройство по решению исполкомов (а не по постановлениям нарсудов или общественным приговорам коллективов трудящихся), причем без высылки, т.е. трудоустройство лиц на предприятия, расположенные в районе их постоянного места жительства или в других местностях в пределах данной области, края, автономной республики.

* См. об этом Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1964, № 4, стр. 12.

** См. там же.

*** См. в связи с этим БВС РСФСР, 1963, № 2, стр. 6.

Высылка в специально отведенные местности на срок от 2 до 5 лет по постановлению нарсуда, сопровождающаяся обязательным трудоустройством по месту поселения, остается для лиц — объектов Указа, проживающих в г. Москве, Московской области и в г. Ленинграде. Специально предусмотренной процедуры обжалования по-прежнему нет.

2-4. В этих пунктах никаких изменений не произошло.

1970-...

Изменения в системе наказаний существенные и значительно упрощают дело.

1. Обязательное трудоустройство по решению исполкома — административное наказание. Специальной процедуры обжалования, помимо обжалования в порядке надзора, по-прежнему не предусмотрено, но в отличие от Указа 1961 года, специально не оговаривается окончательность этого решения.

2. Лишение свободы на срок до одного года по ст. 209¹ «Злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования», введенной в УК РСФСР Указом 1970 года, — уголовное наказание. По делам о преступлениях, предусмотренных ст. 209¹ УК, производится дознание, а в тех случаях, если это признает необходимым суд или прокуратура, предварительное следствие.

Как видим, противоречивую задачу осуществления в праве процедуры наказания за «образ жизни» законодатель решает вне рамок уголовного судопроизводства и уголовного процесса с принятыми и обязательными для такого процесса гарантиями прав обвиняемого на защиту. (Похоже, что эти гарантии привели бы к невозможности правомерного осуждения лица, виновного в каком бы то ни было «образе жизни»). Соответственно, формально не возникал вопрос о нарушении признанных норм права, за исключением разве того момента, что ограни-

чение свободы передвижения и лишение свободы выбора места жительства в виде выселения в специальные местности (до 1970 г.) многие [были] склонны считать лишением свободы, которое не может осуществляться иначе, чем по приговору суда в уголовном процессе.*

Возможно, что помимо других причин, именно стремление приблизиться к установившимся и общепринятым формам существенного ограничения признанных прав человека руководило законодателем при изменении им Указа 1961 г., внесенном последующими Указами 1965 года и, в особенности, 1970 года. Эти изменения дают основания полагать, что высылка в административном порядке со временем станет таким же анохронизмом, каким были бы сейчас постановления о смертной казни, выносимые в административном порядке ныне не существующими ОСО без признанной для уголовного процесса процедуры.

Что касается процедуры назначения административного наказания в виде лишения свободы выбора работы или деятельности (принудительное трудоустройство), назначаемого по Указу 1970 г. решением исполкома, то следует отметить следующую ее существенную особенность. Отсутствие разъяснений терминов «антиобщественный паразитический образ жизни» и «общественно полезный труд» в какой-то мере компенсируется тщательно предусмотренной, многоступенчатой процедурой предупреждения лица, дающей ему гарантию права на осведомленность в отношении возникшего к нему интереса со стороны устанавливаемых Указом компетентных органов заблаговременно до возможного ограничения его права на свободу поиска работы и свободу передвижения: предупреждением органами ВД с 15-ти дневным сроком для исправления ситуации, рассмотрение исполкомом присланных ему органами внутренних дел материалов в присутствии лица в течение 10-дневного

* Впрочем, в Конституции СССР подобной нормы нет.

срока, и, наконец, повестка в суд. По крайней мере, если полагаться на «Комментарии к УК РСФСР» (М. 1970 г.), то трудоустройство по собственному усмотрению после вынесения решения исполкома до суда устраняет основания привлечения его к уголовной ответственности.* Указанная процедура, гарантирующая осведомленность о возможном уголовном преследовании, с некоторой точки зрения заменяет несостоятельную в данном случае презумпцию знания закона (см. § 2). Похоже, что вообще развитие советского права, которое по коммунистической доктрине должно закончиться его отмиранием, идет в направлении замены презумпции знания законов гарантией права на предупреждение. Выражаясь житейски, вместо укоризны «ты мог прочесть и разобраться в законе, — следовательно, мог знать, что тебя посадят за такие дела» будут говорить «ведь тебя предупреждали по-хорошему — изменись; не послушал — пеняй на себя». По моему мнению, этот процесс развития в основе своей связан с коммунистической концепцией «свобода — осознанная необходимость», однако рассмотрение этого вопроса не входит в круг моих намерений.

4. Конвенции Международной Организации Труда (МОТ)

Советский Союз является членом МОТ и участником ряда конвенций, заключенных по разработкам и инициативе этой организации. Среди конвенций, относящихся к обсуждаемой теме и ратифицированных Советским Союзом, интересны Конвенция № 29 относительно принудительного и обязательного труда, принятая на Генеральной Конференции МОТ 10 июня 1930 г. и ратифицированная Президиумом Верховного Совета СССР 4 июня 1956 г., и Конвенция № 122 о политике в области занятости, принятая на Генеральной Конференции МОТ 17 июня 1964 г. и ратифицированная Президиумом Верховного Совета СССР 5 августа 1967 года.

* См. также ВВС СССР, 1972, № 2, стр. 16.

Статья 1 Конвенции № 29 гласит (ВВС СССР, 1956, № 13):

«Статья 1.

1. Каждый член МОТ, который ратифицирует настоящую Конвенцию, обязуется упразднить применение принудительного и обязательного труда во всех его формах в возможно кратчайший срок...».

По прочтении этой части ст. 1 может показаться, что Советский Союз нарушает свои обязательства, взятые им в порядке ратификации данной Конвенции, поскольку Указ 1970 года явным образом направлен на развитие и обогащение культуры и форм принудительного труда. Однако, последовательное прочтение Конвенции № 29 показывает, что подобные обвинения в адрес Советского Союза неосновательны.

Дело в том, что не в пример законодательной практике советского права Конвенция № 29 подробно разъясняет смысл используемого в ней понятия «принудительный труд», причем оказывается, что именно разъяснение этого понятия может снять с Советского Союза вышеупомянутые обвинения. Будет полезно привести полный текст части ст. 2 Конвенции, разъясняющей смысл используемого термина.

«Статья 2.

1. В смысле настоящей Конвенции термин «принудительный или обязательный труд» означает всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольных услуг.

2. Однако, термин «принудительный или обязательный труд» в смысле настоящей Конвенции не включает в себя:

а) всякую работу или службу, требуемую в силу законов об обязательной военной службе и применяемую для работ чисто военного характера;

б) всякую работу или службу, являющуюся частью обычных гражданских обязанностей полностью самоуправляющейся страны;

в) всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица вследствие судебного приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей, и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ;

г) всякую работу или службу, требуемую в условиях чрезвычайных обстоятельств или угрозы бедствия, как то пожары, наводнения...».

Решения исполкомов об обязательном трудоустройстве явно подпадают под определение принудительного или обязательного труда части 1 ст. 2. Однако, ч. 2 ст. 2 дает ряд исключений при использовании этого термина. Так, п.п. а) и г) ч. 2 дают основание, не нарушая Конвенции использовать принудительный или обязательный труд в смысле ч. 1 этой же статьи при реализации Закона о всеобщей воинской обязанности и при организации ликвидаций последствий или угроз чрезвычайных обстоятельств. Пункт в) ч. 2 дает основание применять принудительный или обязательный труд в советской пенитенциарной системе, также не нарушая взятых по Конвенции обязательств. Пункт б) наиболее существен в нашем рассмотрении. Если, следуя ст. 1 Указа 1970 г., считать, что ст. 12 ч. 1 Конституции устанавливает труд в качестве гражданской обязанности, то п. б) ч. 2 ст. 2 Конвенции избавляет Советский Союз от обвинений в нарушении Конвенции, что не исключает, разумеется, той маловероятной возможности, когда остальные члены Конвенции попросят Советский Союз подтвердить подобное толкование Конституции более явно или же разъяснить смысл понятий *труд*, *работа*, *общественно полезный труд* и тому подобных терминов, используемых

в советском праве при введении принудительного или обязательного труда в смысле ч. 1 ст. 2 Конвенции.*

Следует отметить также, что Конвенция допускает все же принудительный или обязательный труд и вне исключений ч. 2 ст. 2. Она лишь ограничивает возможность его применения на основе таких принципов и условий, которые допускают подобный труд только в силу настоятельной необходимости выполнения определенной работы и никоим образом не в целях, непосредственным объектом которых является лицо, принуждаемое к работе: работа представляет прямой и важный интерес коллектива; работа или служба является неизбежной или необходимой в настоящее время; невозможность добровольного найма для ее исполнения; недопустимость слишком тяжелого бремени для населения; наличие максимального срока принудительных работ в размере не более чем 60-ти дней в году. Отмеченные выше моменты показывают, что если не исключать трудоустройство по решению исполкома из понятия «принудительный или обязательный труд» посредством п.б/ч. 2 ст. 2 Конвенции и ссылки на ч. 1 ст. 12 Конституции СССР, то окажется, что Советский Союз явным образом нарушает эту Конвенцию. Этим обстоятельством оправдывается несколько излишнее на первый взгляд и пространное обсуждение терминологии и фразы (★) в первых параграфах настоящих заметок.

* Вопрос о том, устанавливает ли Конституция СССР обязанность честно трудиться, весьма спорен, в частности потому, что ст. 12 Конституции входит в раздел «Общественное устройство», а не в раздел «Права и обязанности граждан». Тем не менее, возможность обсуждения на международном уровне вопроса о выполнении Советским Союзом обязательств по Конвенции № 29 почти исключена тем существенным обстоятельством, что данная Конвенция явно относилась к колониям и другим самоуправляющимся территориям и к настоящему времени является устаревшей, хотя, разумеется, с формальной точки зрения данное обстоятельство может не приниматься во внимание.

В практике применения Указа 1970 года существенна упоминаемая в начале этого параграфа Конвенция 122, а именно следующие пункты ее статьи 1:

«Статья 1.

...2. Эта политика (в области занятости — А. Т.) имеет целью обеспечение того, чтобы:

...в) существовала *свобода выбора работы* (здесь и далее подчеркнуто мной — А. Т.) и *самые широкие возможности* для каждого трудящегося получить подготовку и *использовать свои навыки и способности для выполнения работы, к которой он пригоден*, независимо от расы, цвета кожи, пола, религии, политических взглядов, национальной принадлежности или социального происхождения.

3. Эта политика должна учитывать надлежащим образом стадию и уровень экономического развития и взаимную связь между целями в области занятости и другими экономическими и социальными целями, и она должна осуществляться с помощью методов, соответствующих национальным условиям и практике».

Пункт в) ч. 2 ст. 1 является дополнительным свидетельством правомерности указанного в конце §, со ссылкой на Комментарий к УК РСФСР, того положения, что трудоустройство по собственному усмотрению уже после вынесения решения исполкома, но еще до суда устраняет основания привлечения лица к уголовной ответственности. Очевидно, *самые широкие возможности* не будут существовать в противном случае.

Что касается ч. 3 цитированной статьи, то вряд ли можно себе представить такую практику применения Указа 1970 года и такие методы, включая сам Указ, которые нельзя было с легкостью рассматривать как *соответствующие национальным условиям и практике*.

Кроме упомянутых Конвенций существует специальная Конвенция МОТ № 105 о запрещении принудительного труда, принятая на Генеральной Конференции МОТ

25 июня 1957 года, русский перевод которой опубликован в «Общественных проблемах», Самиздат, М., 1969 г., вып. 4. Эта Конвенция не ратифицирована Советским Союзом. Причины такого пренебрежения Конвенцией № 105 не очень понятны. Во всяком случае Указ 1970 года, наверное, не противоречит и этой Конвенции. В основной ее статье № 1, в которой перечисляются мотивы и практика принудительного труда, специально запрещенные Конвенцией, говорится о недопустимости использовать принудительный труд в качестве наказания за проявление оппозиции принятой идеологии, политическому порядку, социальной или экономической политике, в качестве метода мобилизации и использования принудительного труда для экономического развития, как меру повышения дисциплины труда, как наказания за участие в забастовках и, наконец, в качестве меры расовой, социальной, национальной или религиозной дискриминации. То есть, принудительный труд в качестве меры наказания за «образ жизни» не является специально запрещенным. Ратификация этой Конвенции послужила бы только гарантией того, что Указ 1970 года не будет применяться с какой-либо из перечисленных в ст. 1 Конвенции целью, как то, собственно, и предполагает Указ. Такая гарантия представляется тем более важной, что отсутствие законодательных разъяснений и толкований терминологии Указа дает большую вероятность злоупотреблений Указом в какой-либо из вышеупомянутых целей.

5. Заключение

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 февраля 1970 года, рассмотренный здесь с точки зрения проблемы реализации в праве принудительного труда в качестве меры наказания за «образ жизни», имеет много других интересных правовых аспектов. В особенности же среди них важен и интересен вопрос о практи-

ке применения этого Указа (а ранее — Указа 1961 года). Этот вопрос сознательно не рассматривался здесь из-за сложности его и практической недоступности соответствующих материалов. Кроме того, безусловно, было бы полезно изучить законодательство других союзных республик. Но на первый случай я решил ограничиться изложенным, поскольку рассмотренная проблема представляется достаточно интересной сама по себе.

11 мая 1972.

МНЕНИЕ КОМИТЕТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

По докладу А. Твердохлебова «Заметки о законодательстве в области усиления борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

Комитет изучил доклад А. Твердохлебова и законодательные материалы по теме, обсуждаемой в докладе.

Комитет признает важной и актуальной содержащуюся в докладе критику законодательства о лицах, уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни, и считает необходимым в будущем рассмотреть более обще проблему административных наказаний в советском праве.

В отношении этой проблемы и, в частности, в отношении законодательства об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни, Комитет считает необходимым обратить внимание законодателя на существенность соответствия законодательства со следующими принципами.

1. Принципы законодательства

1. Комитет в соответствии со своим мнением от 26 декабря 1970 г. считает недопустимым принципиально неопределенные ограничения прав в том числе установление наказаний, применяемых в случаях, когда комплекс признаков, влекущих наказуемость, не сформулирован в законе четко и однозначно.

2. Комитет полагает, что наказания, в том числе административные, могут быть налагаемы лишь за преду-

смотренное законом деяние (действие или бездействие), а не за образ жизни, хотя бы и этически не поощряемый образ жизни.

3. Комитет считает, что наказание в форме принудительного труда должно быть назначаемо лишь на определенный решением о наказании срок, а не бессрочно, как это предусмотрено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 февраля 1970 года.

4. Комитет, исходя из общепринятых принципов права, полагает, что процедура принятия решений об административном наказании должна включать в себя во всяком случае действенную процедуру обжалования.

5. Комитет считает, что административные наказания, в тех случаях, когда по тяжести они сравнимы с уголовными, не должны быть назначаемы посредством процедуры, упрощенной по сравнению с процедурой уголовного суда, и эта процедура должна быть построена с соблюдением принципа гласности.

II. Конкретные правовые нормы.

1. Комитет, в соответствии с общепризнанными принципами права, считает, что постановления судов на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года в редакции аналогичного Указа 1965 года в отношении лиц, высланных в специально отведенные местности должны быть отменены в силу того, что Указ 1970 года не предусматривает высылки.

2. Комитет полагает, что если советский законодатель считает неустранимым из советского права принцип допустимости административных наказаний за так называемый «паразитический и антиобщественный образ жизни», то впредь, до более решительного прогресса в этой области, разумно усовершенствовать формулы правовых норм об этом и процедуру вынесения и обжалова-

ния решений, а равно признать необходимым, чтобы принудительное трудоустройство проводилось с учетом специальности, квалификации и пожеланий лица, подвергаемого такому наказанию.

3. При решении об административном наказании лица, уклоняющегося от общественно полезного труда и ведущего антиобщественный паразитический образ жизни, выносимого в результате рассмотрения, в частности, вопроса о степени общественной полезности того или иного труда или деятельности, которой занимается данное лицо, необходимо учитывать, что деятельность по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей должна быть признаваема общественно полезным трудом и, в соответствии с Конституцией (ст. 122), этой деятельностью может заниматься и мужчина и женщина.

4. Комитет считает весьма суровым наказание за «злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования», предусмотренное ст. 209¹ УК РСФСР и аналогичными статьями уголовных кодексов других союзных республик.

III. Социальные проблемы.

1. Комитет обращает внимание на социальную нежелательность использования труда, являющегося по Конституции делом чести гражданина, в качестве инструмента наказания.

2. Комитет считает, что допущение в законе таких неопределенных формулировок как в Указе 1961-70 г.г. о так называемом антиобщественном паразитическом образе жизни чревато серьезными опасностями бесконтрольного ограничения прав граждан.

А. Д. Сахаров, А. Н. Твердохлебов, В. Н. Чалидзе, И. Р. Шафаревич.

29 июня 1972 года.

Приложения к докладу

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни.

Наша страна под руководством Коммунистической партии вступила в период развернутого строительства коммунизма. Советские люди с воодушевлением трудятся на предприятиях, стройках, в колхозах, совхозах, в учреждениях, выполняют общественно полезную работу в семье, соблюдают законы и уважают правила социалистического общежития.

Однако в городе и деревне есть еще отдельные лица, которые упорно не желают честно трудиться. Такие люди нередко для видимости устраиваются на работу, а фактически живут на нетрудовые доходы и обогащаются за счет государства, за счет трудящихся, либо, являясь трудоспособными, вообще нигде не работают, занимаются запрещенными промыслами, частнопредпринимательской деятельностью, спекуляцией, попрошайничеством, извлекают нетрудовые доходы от эксплуатации личных автомашин, применяют наемную рабочую силу и получают нетрудовые доходы от дачных и земельных участков, производят строительство домов, дач на средства, добытые нетрудовым путем, используя для этой цели незаконно приобретенные строительные материалы, и совершают другие антиобщественные поступки. В колхозах такого рода лица, пользуясь льготами, установленными для колхозников, уклоняются от честного труда, занимаются самогонварением, ведут паразитический образ жизни, подрывают трудовую дисциплину и тем самым наносят ущерб артельному хозяйству.

Такое паразитическое существование этих лиц, как правило, сопровождается пьянством, моральным разложением и нарушением правил социалистического общежития, отрицательно влияющими на других неустойчивых членов общества.

С антиобщественными паразитическими элементами необходимо вести решительную борьбу до полного искоренения

этого позорного явления в нашем обществе, создавая вокруг таких лиц обстановку нетерпимости и всеобщего осуждения.

Учитывая многочисленные пожелания трудящихся об усилении борьбы с антиобщественными элементами, Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

1. Установить, что совершеннолетние, трудоспособные граждане, не желающие выполнять важнейшую конституционную обязанность — честно трудиться по своим способностям, уклоняющиеся от общественно полезного труда, извлекающие нетрудовые доходы от эксплуатации земельных участков, автомашин, жилой площади или совершающие иные антиобщественные поступки, позволяющие им вести паразитический образ жизни, подвергаются по постановлению районного (городского) народного суда выселению в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения.

Этим же мерам воздействия, назначаемым как по постановлению районного (городского) народного суда, так и по общественному приговору, вынесенному коллективами трудящихся по предприятиям, цехам, учреждениям, организациям, колхозам и колхозным бригадам, подвергаются также лица, устраивающиеся на работу на предприятия, в государственные и общественные учреждения или состоящие членами колхозов лишь для видимости, которые, пользуясь льготами и преимуществами рабочих, колхозников и служащих, в действительности подрывают дисциплину труда, занимаются частнопредпринимательской деятельностью, живут на средства, добытые нетрудовым путем, или совершают иные антиобщественные поступки, позволяющие им вести паразитический образ жизни.

Постановление районного (городского) народного суда или общественный приговор о выселении выносятся после того, когда лицо, ведущее паразитический образ жизни, несмотря на предупреждение общественных организаций или государственных органов, в установленный ими срок не встало на путь честной трудовой жизни.

2. Постановление районного (городского) народного суда в отношении лица, уклоняющегося от общественно полезного труда и ведущего антиобщественный паразитический образ жизни, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Общественный приговор о выселении подлежит утверждению исполнительным комитетом районного (городского) Совета депутатов трудящихся, решение которого является окончательным.

3. Выявление лиц, ведущих антиобщественный паразитический образ жизни, и проверка всех относящихся к этому обстоятельств производятся органами милиции и прокуратуры по имеющимся у них материалам, по инициативе государственных и общественных организаций и заявлениям граждан. По окончании проверки материал с санкции прокурора направляется в районный (городской) народный суд или на рассмотрение коллектива трудящихся.

4. Если при проверке и рассмотрении материалов о лице, ведущем паразитический образ жизни, в его действиях будут установлены признаки уголовного преступления, дело о таком лице подлежит направлению в органы прокуратуры.

5. Постановления районного (городского) народного суда, а также общественные приговоры о выселении приводятся в исполнение органами милиции.

Лица, уклоняющиеся от труда в местах поселения, по представлению органов милиции районным (городским) народным судом подвергаются исправительным работам с удержанием 10% заработка, а в случаях уклонения и от исправительных работ суд может заменить их лишением свободы в порядке, предусмотренном статьей 28 Уголовного кодекса РСФСР. Время отбывания исправительных работ или лишения свободы в срок выселения не засчитывается.

Побег с места поселения или с пути следования на поселение наказывается в соответствии со статьей 186 Уголовного кодекса РСФСР.

6. Если лицо, подвергнутое выселению, примерным поведением и честным отношением к труду докажет свое исправление, оно по истечении не менее половины срока выселения может быть досрочно освобождено по ходатайству общественных организаций районным (городским) народным судом по месту поселения с согласия исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся по месту прежнего жительства выселенного.

7. Поручить Совету Министров РСФСР принять постановление о проведении необходимых мероприятий, вытекающих из настоящего Указа.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР
Н. ОРГАНОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР С. ОРЛОВ.

Москва, 4 мая 1961 года.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

Внести изменения в статьи 1-6 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1961г., № 18, ст. 273; 1965 г., № 38, ст. 932), изложив их в следующей редакции:

«1. Установить, что совершеннолетние трудоспособные граждане, не желающие выполнять важнейшую конституционную обязанность — честно трудиться по своим способностям, уклоняющиеся от общественно полезного труда и ведущие антиобщественный паразитический образ жизни, подвергаются приводу в органы внутренних дел для официального предостережения о недопустимости паразитического существования и необходимости трудоустройства в 15-дневный срок.

2. Лица, уклоняющиеся от трудоустройства и продолжающие вести антиобщественный паразитический образ жизни после сделанного им в соответствии со статьей первой настоящего Указа официального предостережения, привлекаются по решению исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся к общественно полезному труду на предприятиях (стройках), расположенных в районе их постоянного места жительства или в других местностях в пределах данной области, края, автономной республики.

3. Администрация и общественные организации предприятий (строек), куда направлены на работу лица, уклоняющиеся от общественно полезного труда, обязаны обеспечить их трудовое устройство, проводить с ними воспитательную работу, принимать меры к закреплению в производственных коллективах.

О всех случаях увольнения таких лиц администрация предприятий (строек) обязана в 3-дневный срок уведомить исполнительный комитет соответствующего Совета депутатов трудящихся, вынесший решение о трудоустройстве.

4. Выявление лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих антиобщественный паразитический образ

жизни, и проверка всех относящихся к этому обстоятельству производятся органами внутренних дел по имеющимся у них материалам, по инициативе государственных и общественных организаций и заявлениям граждан. Проверка проводится в 10-дневный срок.

Если эти лица и после официального предостережения не встанут на путь честной трудовой жизни, органы внутренних дел направляют на них материалы в исполнительный комитет районного (городского) Совета депутатов трудящихся, который рассматривает эти материалы в 10-дневный срок в присутствии лица, уклоняющегося от общественно полезного труда.

5. Контроль за исполнением решений исполнительных комитетов районных (городских) Советов депутатов трудящихся о направлении на работу лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, возлагается на органы внутренних дел.

6. В случае злостного уклонения лица, ведущего антиобщественный образ жизни, от выполнения решения исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся о трудоустройстве и прекращении паразитического существования администрация предприятия (стройки) обязана сообщить об этом в 5-дневный срок в органы внутренних дел для решения вопроса о привлечении такого лица к уголовной ответственности по статье 209¹ Уголовного кодекса РСФСР».

**Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. Яснов.
Секретарь Президиума Верховного Соевта РСФСР Х. Нешков.**

Москва, 25 февраля 1970 года.

ЗАЯВЛЕНИЕ КОМИТЕТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Настоящим сообщаю о своем выходе из Комитета прав человека, но это ни в коей мере не должно рассматриваться ни как свидетельство разочарования в целях Комитета, зафиксированных в его принципах, ни как выражение мнения о ненужности и бесполезности этой ассоциации, ни как отказ от личных усилий в области прав человека в нашей стране. Причины моего выхода из Комитета исключительно личные, и, как это бывает в таких случаях, фактически невозможно сформулировать их без указания субъективных и временных, а потому малоинтересных моментов. Главное же — моя личная убежденность в необходимости этого шага.

29 дек. 1972 г.

А. Твердохлебов

ПРОБЛЕМЫ ПОМОЩИ УЗНИКАМ СОВЕСТИ

Как можно судить, интерес А. Твердохлебова к проблеме помощи политзаключенным, а также их семьям, возник еще до того, как он, совместно с другими учредителями, создал «Группу-73». целью которой является изучение этой проблемы.

Пока неизвестно, каковы результаты деятельности «Группы-73» в изучении этой острой практической проблемы; однако ясно уже, что само создание «Группы-73» является успешным экспериментом в области реализации права на ассоциацию — в 1974 г. эта группа ассоциирована с Международной федерацией прав человека.

ЗАЯВЛЕНИЕ

**с предложением о создании благотворительной комиссии
В Президиум Центрального комитета общества
Красного Креста РСФСР от Твердохлебова А. Н.**

Заботы, которые привели меня к написанию этого заявления, — не радостного свойства, и характер их таков, что почти наверняка окажется, что я обращаюсь с ними не по адресу. И все же я решился написать Вам, потому что было бы слишком самонадеянным с самого начала самолично и самочинно предпринимать какие-либо шаги, диктуемые проблемами, о которых-ниже. Кроме того, я надеюсь убедить Вас в насущности этих забот, тем более, что принять участие в них — значит для Вас приобрести несомненно высокую нравственную оценку в глазах многих.

Речь идет о культурной благотворительности, проводимой на общественных началах, которая раньше, в зависимости от характера и конкретных целей, называлась общественным призрением или попечительством. От милостыни, подаваемой тому, кто протягивает руку, культурная благотворительность отличается тем, что простирает свою помощь на тех, кто не в состоянии обеспечить себя и не делает из своей нужды промысла. Из этого различия вытекает необходимость в организационных рамках, и это требование заставило меня обратиться к Вам.

Конкретно, речь идет о следующем. Мне известно о ряде семей, в которых кормильцы принудительным образом лишены возможности обеспечить тех, кто ранее находился на их иждивении. В тех семьях, с положением которых я знаком, кормильцы находятся в заключении,

ссылке или на принудительном психиатрическом лечении в силу приговора суда по обвинению по ст. ст. 190-м и 70-й УК РСФСР или аналогичным статьям соответствующих союзных республик. Мне думается, что существует хоть и небольшое, но достаточное количество альтруистов, которые могли бы оказывать посильную помощь этим семьям, если бы существовала авторитетная и заслуживающая их доверия комиссия по благотворительности. Ведь люди хотят быть уверенными, что их помощь распределяется в соответствии с их пожеланиями.

Материальная помощь нуждающимся и не делающим из своей нужды промысла всегда требует определенной деликатности даже от близких и родных, а с другой стороны, ясно, что оказывающие помощь хотели бы видеть ее непосредственный характер, без той степени отчуждения, возникающей, например, между отдельным членом Красного Креста, вносящим 20 копеек ежегодно, и помощью общества бедствующему населению других стран. Потребность в благотворительной комиссии, удовлетворяющей этим несколько противоречивым требованиям, для меня очевидна — она является необходимым звеном в действующих в обществе связях между людьми, которое может заполнить пробел между такими формами людской взаимопомощи, как вспомоществование со стороны государства и со стороны друзей и близких. Такого рода связи все равно возникают, я хочу лишь привлечь внимание Вашей организации к этим волнующим меня вопросам. Мне кажется это уместным, поскольку ведь и Ваше общество возникло по благотворительной инициативе частных лиц. Даже поверхностное знакомство с историей благотворительных обществ убеждает в неизбежности и необходимости подобного рода проявлений альтруизма и гуманистичности граждан, в особенности потому, что в России благотворительные общества, созданные по частной инициативе, удивительно быстро преображались в фактически управляемые и финанси-

руемые государством ведомства, либо приходили в упадок и существование их становилось чисто символическим.

(В качестве примера можно привести: Общество попечительства о тюрьмах; народовольческий, а затем социал-демократический «Красный Крест»; систему попечительства о бедных; Комитет Екатерины Пешковой).

Если мое обращение к Вам не напрасно и Вы сочтете, в принципе, желательным покровительствовать подобного рода благотворительной комиссии (а Устав Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца — ст. 1, пункты м) и с) — допускают такую возможность), я готов предоставить Вашему вниманию конкретный проект и обсудить его с Вами, имея в виду выработку обоюдодоприемлемых основ.

Прошу ответить мне по адресу: Москва, К-64,
ул. Чкалова, дом 14/16, кв. 76. Твердохлебову.

6 июня 1971 г.

Твердохлебов

РСФСР МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА

Москва, Метростроевская, 36 Телефоны: 203-13-98

№ 236 — Зак. 587.

Москва, 19 июля 1971 г.

Москва, К-64, ул. Чкалова, 14/16 кв. 76, Твердохлебову

Уважаемый тов. ТВЕРДОХЛЕБОВ!

Мосгорком Красного Креста получил и рассмотрел Ваше письмо.

Сообщаем Вам, что делами по обеспечению одиноких больных и нетрудоспособных занимаются городские и районные отделы социального обеспечения.

При Московском городском и районных комитетах Общества Красного Креста работает бюро патронажных

медицинских сестер, посредством которых осуществляется медицинский уход за одинокими больными (из числа инвалидов Отечественной войны, инвалидов труда, членов семей погибших на войне).

Многочисленные активисты Красного Креста на добровольных началах помогают патронажным медицинским сестрам в решении бытовых вопросов, в деле организации питания, ухода, доставки лекарств и т.д.

Первичные организации Общества Красного Креста, объектов народного хозяйства, учреждений шефствуют над нетрудоспособными, инвалидами Отечественной войны и труда.

Основа всей деятельности Общества Красного Креста — это высокий гуманизм и человеколюбие.

Передовые люди царской России оказывали материальную помощь семьям борцов, осужденных за дело революции. В Вашем письме идет речь о гражданах, осужденных по уголовному кодексу СССР, на членов семей которых распространяется советское законодательство, предусматривающее материальное обеспечение нетрудоспособных, одиноких людей. В нашей стране имеются дома для инвалидов и престарелых.

Председатель Мосгоркома Кр. Кр.

Л. Молчанова

ПРИНЦИПЫ «ГРУППЫ-73»

ОТМЕЧАЯ, что развитие культурных форм помощи тем, кто потерпел неудачу и претерпел страдание на пути реализации общепризнанных прав человека, является необходимым условием прогресса всей проблемы прав человека в целом,

ПРИДЕРЖИВАЯСЬ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, что общество имеет моральное обязательство перед семьями тех, кто принудительным со стороны общества образом лишен возможности обеспечивать свою семью, что эти моральные обязательства требуют разрешения во внешнегосударственной культурной благотворительности,

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ межнациональный опыт помощи заключенным и их семьям и в особенности, учитывая опыт *Амнисти Интернешенел*, ставящей своей целью помощь узникам совести и политзаключенным,

В. Я. АЛЬБРЕХТ, В. В. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, И. А. КОРНЕЕВ, А. Н. ТВЕРДОХЛЕБОВ

РЕШИЛИ совместно продолжить деятельность по изысканию и обсуждению культурных форм и средств помощи лицам, указанным в преамбуле в качестве коллективного лица под условным названием «ГРУППА-73», приняв на себя в этом качестве следующие принципы:

1. Целями деятельности Группы являются:

- а) изыскание и обсуждение культурных форм и средств помощи лицам, осужденным или подвергшимся иной репрессии вследствие реализации общепризнанных прав и свобод;
- б) консультативное содействие заинтересованным лицам в пределах компетенции Группы.

2. Деятельность Группы строится в соответствии с законами Государства и настоящими принципами.

3. ГРУППА-73 является неправительственной, неполитической ассоциацией.

4. При изучении и обсуждении проблем помощи лицам, указанным в пункте 1а, а также в отношении реализации такой помощи Группа не рассматривает аргументы, исходящие из политических или исключительно расовых, национальных, классовых и религиозных или идеологических интересов кого бы то ни было.

5. Группа допускает возможность творческих контактов с международными, неправительственными, правовыми ассоциациями, если они в своей деятельности исходят из принципов Объединенных Наций и не ставят своей целью нанесение ущерба Советскому Союзу.

1-ое сентября 1973 г.

(подписи)

ПРИВЕТСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СЕССИИ АМНИСТИ ИНТЕРНЕСЕНЕЛ

Политическая активность масс, активная внешняя политика партии и правительства, борьба за социальные права и социальное переустройство общества, научно-техническая революция — вот привычные нам с детства слова, вот чем поглощен мир в нашем представлении о нем. Слова — совесть, достоинство, убеждение — привычно нам употреблять лишь для стремлений и усилий отдельных людей. Почитать эти слова ценными и сохранять эти ценности — кто в этом может помочь кроме самого себя и разве что самых близких тебе людей?

Мы с удивлением и не сразу стали понимать, что помочь в этом, оказывается, можно и совершенно незнакомым людям, живущим в самых отдаленных странах, в самых чуждых тебе условиях, культуре.

Именно этим наиболее ценен для нас ваш пример и ваша деятельность, насколько мы в состоянии о ней судить.

Примите наши наилучшие пожелания.

10 сентября 1973 года

*Владимир Альбрехт
Владимир Архангельский
Илья Корнеев
Андрей Твердохлебов*

ПИСЬМО ПРОКУРОРУ ШТЕЙМАНУ

Помощнику прокурора Орловской области
Штейману Льву Григорьевичу
от Твердохлебова А. Н.

На только что окончившемся в городе Орле процессе над Г. Г. Суперфином вы играли роль государственного обвинителя и требовали для ни в чем не виновного перед другими людьми человека жестокого наказания в 6 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки. Надеюсь, помните. Я, во всяком случае, этого не забуду. Но не об этом сейчас речь. В ходе процесса вы сделали заявление, причем тоном, не терпящим возражений, как сообщение об общеизвестном факте, — заявление о том, что в Советском Союзе нет никакого общественного движения. Затем уточнили — нет никакого нерегламентированного общественного движения. Между тем, уже более восьми месяцев в Советском Союзе существует общественная организация «Группа-73», к которой я имею самое непосредственное отношение (Принципы «Группы-73» прилагаю). И все это время «Группа-73» существует без регламента.

Полагаю себя более других ответственным за образование этой до сих пор нерегламентированной ассоциации и, имея в виду ваше заявление на процессе Суперфина, обращаюсь к вам как к юристу, а не как к прокурору, с общественной просьбой — помочь в составлении регламента, конкретно — составить рабочий проект регламента «Группы-73», руководствуясь знаниями советского юриста. Принципами «Группы-73», а также статьей 20, часть 1 Всеобщей декларации права человека, которой вы в качестве прокурора явно пренебрегаете, а

может и просто с ней незнакомы. На всякий случай прилагаю текст статьи 20, часть 1.

Кроме того, прилагаю тексты статей 19 и 30, требования которых прямо нарушались вами в процессе над Г. Г. Суперфином 15 мая 1974 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Принципы «Группы-73»

2. Статьи 20, часть 1, 19 и 30 Всеобщей Декларации Прав Человека.

15 мая 1974 года.

(Подпись)

ГРУППА-73 И МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА*

В мае стало известно о том, что «Группа-73» ассоциирована с Международной федерацией прав человека.

«Группа 73» была учреждена в Москве 1 сентября 1973 г. при участии одного из основателей Комитета прав человека Андрея Твердохлебова с целью изучения проблем помощи «узникам совести и политзаключенным». (см. «Хроника защиты» 4).

Принципы «группы 73» содержат в частности, п. 5 о возможности творческих контактов Группы с международными неправительственными правовыми организациями, если они в своей деятельности исходят из принципов Объединенных Наций и не ставят своей целью нанесение ущерба Советскому Союзу.

Международная федерация прав человека основана в Париже в 1922 г. Согласно советскому справочнику, «Международные неправительственные организации», (Москва, 1967), «официальной целью Федерации является пропаганда «принципов справедливости, свободы, равенства и народного суверенитета». И далее:

«Федерация основывает свою деятельность на принципах, провозглашенных французской Декларацией прав человека 1789 г. и Конституцией 1793 г., а также Всеобщей декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г.

Высшие органы Федерации — конгресс, бюро во главе с президентом, вице-президентом и генеральным секретарем.

Бюджет складывается из взносов членов Федерации и частных пожертвований.

* Сообщение из «Хроники защиты прав в СССР» вып. 9 (В. Ч.).

Федерация имеет консультативный статус (категория «В») при ЭКОСОС.**

Официальный язык — французский.

Бюро Федерации находится в Париже».

В настоящее время Президентом федерации является Андре Буоссари, Вице-президентом федерации — Даниэль Майер, Генеральным секретарем — Мишель Блюм.

После того, как в 1971 г. Московский Комитет прав человека был ассоциирован с Международной лигой прав человека и Международным институтом прав человека, «Группа 73» является, насколько известно, вторым независимым от правительственного или партийного контроля объединением советских граждан, ассоциированным с международной организацией.

** Экономический и социальный совет при ООН.

О СОДЕРЖАНИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Подборка сведений

С о с т а в и т е л ь :

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТВЕРДОХЛЕБОВ

О Г Л А В Л Е Н И Е :*

1. ОТ СОСТАВИТЕЛЯ
2. ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ
ЛАГЕРЬ СТРОГОГО РЕЖИМА
3. ПИСЬМО КОМИТЕТУ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА, Москва, от полит-
заключенных лагеря ЖХ 385/19
4. СЛЕДСТВЕННЫЙ ИЗОЛЯТОР
ЛЕФОРТОВО
5. О ПИТАНИИ ВО ВЛАДИМИР-
СКОЙ ТЮРЬМЕ

* Текст «Исправительно-трудовой лагерь строгого режима» здесь не приводится.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предисловие А. Твердохлебова

В этой подборке сведений «О содержании заключенных» нет ничего о главном факторе жизни политзаключенного — непрерывной, коллективной и индивидуальной борьбе за свое человеческое достоинство против системы придирок и произвола администрации. Помещенные здесь материалы знакомят лишь с фоном, на котором разворачивается эта борьба за права человека.

Эта борьба предопределена доктриной советского законодательства, рассматривающей заключенного не только как субъекта наказания за вменяемое ему преступление, но и как объект перевоспитания. При этом в отношении политзаключенных перевоспитание ставится главной задачей. Практика продления сроков заключения (А. Марченко, В. Дремлюга, А. Амальрик) — одно из трагических следствий этой доктрины.

Не менее важно учитывать то, что само по себе лишение свободы не может рассматриваться в качестве серьезного наказания в социальных условиях Советского Союза. Для перевоспитания политзаключенного необходимы более радикальные меры: принудительный труд и жестко ограниченные нормы питания.

«Советская власть не мстит преступнику, а действительно исправляет его, раскрывает перед ним победоносное значение труда, смысл социальной жизни, высокую цель социализма, который растет, чтобы создать новый мир» — плакат в лагерной зоне.

**В Комитет прав человека, Москва, СССР
от политзаключенных лагеря ЖХ 385/19**

Мы, нижеподписавшиеся, группа политических заключенных лагеря ЖХ 385/19, расположенного в Мордов-

ской АССР, обращаемся к вам с просьбой рассмотреть вопрос об условиях содержания политических заключенных в советских лагерях. Мы просим вас подвергнуть изучению как сами законодательные акты, регулирующие жизнь полит з/к, так и то, в какой мере эти законы воплощаются в жизнь. Не все из нас, подписавших это письмо, рассматривают себя как граждан Советского Союза, однако все мы в равной мере испытываем на себе действие советских законов и, естественно, заинтересованы в том, чтобы эти законы в максимальной степени соответствовали высоким принципам Декларации прав человека.

Поднять этот вопрос особенно важно именно сейчас, когда СССР ратифицировал Пакты о правах человека и естественно ожидать приведения законодательства в полное соответствие с требованиями этих Пактов. Мы надеемся, что ваш Комитет в максимальной мере окажет советским законодательным органам необходимое консультативное содействие. Проблема полит-з/к не может быть обойдена молчанием, особенно сейчас, в условиях намечающейся разрядки международной напряженности, ибо ни одна страна не может претендовать на роль равноправного участника международного диалога, не решив предварительно проблемы полного обеспечения прав человека для своих граждан и иных лиц, находящихся на ее территории.

Мы полагаем, что в решении этой проблемы немалую роль могут сыграть общественные организации, каковой является ваш Комитет. Немалое значение мы придаем и гласности обсуждения этой проблемы. К сожалению, попытки гласного обсуждения проблемы полит-з/к приводят зачастую к суровым репрессиям со стороны администрации лагерей. Так, за попытку обращения в ваш Комитет по этому же вопросу, сделанную летом 1973 года группой лиц нашего лагеря, были отправлены во Владимирскую тюрьму наши товарищи Н. Будулак-Ша-

рыгин (подданный Великобритании) и Б. Шакиров. Мы, однако, считаем поднимаемый нами вопрос крайне важным и обращаемся к вам вторично.

Мы в этом письме ограничиваемся лишь тем, что относится к режиму заключения в лагерях. К сожалению, приходится констатировать, что советское законодательство не проводит никакого различия между заключенными — уголовниками и политзаключенными. Сам термин полит-з/к в законе отсутствует, и наличие в Советском Союзе полит-з/к публично отрицается. Советский закон, правда, вводит понятие особо опасный государственный преступник, однако это не улучшает дело, ибо к этой категории наряду с политзаключенными отнесены и лица, таковыми отнюдь не являющиеся (например, судимые за военные преступления). Более того, строгий режим содержания, кодифицированный в ИТ Кодексе, абсолютно одинаков как для особо опасных государственных преступников так и для лиц, осужденных за такие преступления, как, например, убийства. Недавно в газетах всего мира, в том числе и советских, появилось сообщение, что Чилийская военная хунта запретила употребление термина «политзаключенный» и потребовала от газет писать лишь о лицах, осужденных за уголовные и военные преступления. Мы согласны с тем, что такое смешение понятий является абсолютно недопустимым независимо от того, в какой стране оно проводится.

Условия содержания в лагере строгого режима теоретически определяются ИТ Кодексом, имеющим силу закона. Практически же, однако, эти условия определены Инструкциями, издаваемыми МВД СССР (например так называемый Приказ № 20 от 14 января 1972 года, объявленный лишь частично, и ряд других «закрытых» инструкций). Эти инструкции дополняют закон, — например, устанавливают дополнительные ограничения на набор продуктов питания для заключенных, — противоречат ему, — например, запрещение чтения в так на-

зываемых штрафных изоляторах (ШИЗО), — и устанавливают пути для обхода закона, — например, з/к нельзя наказывать за непосещение так называемых политзанятий, но зато его можно наказывать за нарушение режима, ибо политзанятия включены в режим дня. Во всех случаях, когда закон и внутриведомственная инструкция вступают в коллизию, приоритет всегда отдается инструкции. Такая система двойного регулирования жизни лагеря, законодательного и административного, открывает широкие возможности для произвольного ожесточения режима. Оглашение недавно новой инструкции — о введении в лагерях строевой подготовки — ясно указывает на то, что эта угроза весьма реальна. На наш взгляд ограничение права «законотворчества» исполнительных органов резко уменьшило бы возможности произвола.

Кодекс особо оговаривает, что лица, осужденные за особо опасные государственные преступления, могут содержаться в заключении и на территории другой республики, независимо от места их осуждения. Практически, для полит-з/к это означает содержание на территории РСФСР (Мордовская АССР и Пермская область). Для весьма многочисленной категории полит-з/к из Прибалтики или Украины заключение в лагере имеет, таким образом, своим прямым следствием депортацию. Они попадают в распоряжение администрации, непонимающей даже их языка, в чужую им среду. Их связи с родиной насильственно прерываются. Для лиц, выступающих за свои национальные интересы, такое дополнительное наказание особенно тяжело.

Статья 5 Декларации прав человека гласит, что никто не должен подвергаться жестоким бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию. Между тем, целый ряд условий лагерной жизни противоречит этому требованию Декларации.

Согласно Кодексу каждый заключенный, полит-з/к в том числе, в принудительном порядке должен трудить-

ся. Нам неизвестно, в какой мере это требование Кодекса соответствует Конвенции МОТ о запрещении принудительного труда. Труд в лагере является не только принудительным, но и тяжелым физическим трудом, особенно тяжелым для лиц умственного труда, каковыми являются значительная часть полит-з/к. Продолжительность труда составляет 48 часов в неделю, причем, несмотря на имеющиеся в Кодексе оговорки, фактически продолжительность рабочей недели не сокращается даже при вредных условиях труда. А условия эти таковы, что здоровье з/к постоянно подвергается опасности. Например, в условиях нашего лагеря (деревообделочное производство) в течение 8 часов в сутки приходится трудиться в цехах, воздух которых густо насыщен древесной и абразивной пылью, парами кислот и ацетона. Станки, на которых ведется работа, практически не имеют защитных устройств. Движущиеся части их открыты, так что возможности для производственного травматизма исключительно широки.

Тяжесть труда еще усиливается недостаточным питанием. Вот те суточные нормы питания, которые полагаются заключенному официально в лагере, в лагерной тюрьме (т.е. помещение лагерного типа — ПКТ) и в карцере (так называемый штрафной изолятор — ШИЗО):

Заметим, что в карцере горячее питание выдается лишь через день. В так называемые холодные дни выдается только хлеб.

Приведенные цифры соблюдаются лишь номинально. Фактическое вложение в котел з/к вследствие разных «потерь», разумеется, много меньше. Однако ясно видно, насколько малы даже эти официальные нормы. Ориентировочная калорийность лагерного питания примерно 3000 калорий в сутки, тогда как для рабочих, занятых немеханизированным и неполностью механизированным трудом, каким мы занимаемся, нормой является около

**СУТОЧНЫЕ НОРМЫ ПИТАНИЯ В ГРАММАХ —
В ЛАГЕРЕ, В ЛАГЕРНОЙ ТЮРЬМЕ (ПКТ)
И В КАЦЕРЕ (ШИЗО)**

Продукт	Лагерь	Лагерная тюрьма (ПКТ)	Карцер (ШИЗО)
Хлеб ржаной	650	600	450
Мука пшеничная	10	10	10
Крупа	110	80	50
Макароны	20	10	0
Мясо	50	30	0
Рыба	85	75	60
Жир	10	0	0
Растительное масло	15	15	6
Сахар	20	10	0
Картофель	450	350	250
Овощи	200	200	200
Томат-паста	5	5	5

4000 калорий в сутки. Калорийность же питания в ПКТ (а там труд только ручной!) и того ниже. Еще хуже дело обстоит с качественным составом пищи. Резко ощущается белковая недостаточность, нехватка углеводов, витаминов (летом з/к, в массовом порядке восполняя недостатки витаминов, едят дикорастущие травы).

Возможности получения дополнительной пищи ничтожны. З/к могут приобретать в лагерном ларьке продукты питания на сумму только 5 рублей в месяц (в ПКТ 2 рубля). При этом набор продуктов, разрешенных для продажи з/к резко ограничен. Это селедка, сыр, дешевые конфеты, жир, повидло, растительные и мясорастительные консервы, хлеб. В ту же ничтожную сумму 5 или 2 рубля входят также и предметы первой необходимости, мыло, носки и т.п., что еще уменьшает количество этого дополнительного питания. Заметим, что за любую «провинность» (даже за плохо заправленную койку) з/к может быть лишен права получения этих

дополнительных продуктов питания. Тем же набором продуктов ограничен и состав посылок, которые могут получать з/к. При этом они имеют право лишь на одну посылку в год весом до 5 килограмм и то по отбытии половины срока заключения. Кроме этого, они могут лишь дважды в год получать по одному килограмму бандероли с печеньем.

Любые другие продуктовые посылки и передачи, будь то от частных лиц или организаций, запрещены. Даже Красный Крест не может прислать в лагерь посылку (впрочем, советский Красный Крест и не занимается этим вопросом; как ответил Заместитель Председателя советского Красного Креста политзаключенному А. Марченко, лица, «поднявшие руку на советскую власть, не могут рассчитывать на гуманность по отношению к ним»).

Наряду с недостаточным питанием на здоровье з/к сильно отражается и плохое медицинское обслуживание. Трудно говорить о соблюдении медиками клятвы Гиппократова, если они официально подчинены МВД, а не Министерству здравоохранения, и открыто носят форму внутренних войск (1). На первое место неизбежно выходят не соображения гуманности, а так называемые «оперативные» соображения.

Медицинские кадры в лагерях низкоквалифицированные. Прием больных ведется зачастую не врачом, а фельдшерами и, едва ли не единственным, бесспорным признаком болезни является высокая температура. Врачи-специалисты в лагерях почти не появляются, и добиться хотя бы простейшей консультации у них требует невероятных усилий. Многие лекарства отсутствуют, а имеющиеся — с истекшим сроком годности. Между тем, присылка в лагерь лекарств родственниками з/к или какими либо организациями категорически запрещена.

Диетическое питание для больных формально суще-

ствуует. Но фактически является лишь формой дополнительного питания, назначаемого зачастую из «оперативных» соображений. Никакого учета в характере заболевания в диетпитании не производится — оно единое. В лагерной же тюрьме (в ПКТ) диетпитание вообще не назначается (запрещено очередной инструкцией).

В особо острых случаях заключенных отправляют в центральную лагерную больницу за несколько десятков километров. Больных везут в закрытых тюремных спецмашинах (воронках) по невероятно разбитой грунтовой дороге. О характере этой дороги говорит хотя бы то, что известны случаи переломов (!) конечностей в результате такой «поездки». Недаром эта дорога получила у з/к недоброе имя «дороги смерти».

Такую систему медобслуживания никак нельзя признать гуманной. И нам представляется отнюдь не случайной, например, смерть нашего товарища Ю. Галанскова, последовавшая 4 ноября 1972 года в центральной лагерной больнице (2).

Помимо физического ущерба для здоровья, существующие условия содержания сопряжены в значительной мере и с моральным ущербом, с унижением достоинства з/к. З/к в лагере всегда острижен наголо, носит специальные нашивки на груди, и обязан соблюдать специальный порядок приветствия сотрудников администрации, идущий вразрез с общепринятыми нормами вежливости (3). Согласно последней инструкции, как уже говорилось, вводится специальная форма строевой подготовки.

З/к может получить свидание с близкими лишь один раз в год наедине (от одного до трех суток) и два раза в год в присутствии представителей администрации (от двух до четырех часов). Это, конечно, при условии, что он не лишен этого права за какие либо мелкие нарушения, что бывает очень часто. Свидания наедине допускаются лишь с близкими родственниками. Кратко-

срочные же свидания теоретически могут быть с любыми лицами. Но администрации дано право допускать на свидание лишь тех, кто «влияет на осужденного положительно». Для полит-з/к это практически означает невозможность встреч с любыми лицами, в какой-либо мере разделяющими его взгляды. Свидания с родственниками наедине даются лишь при условии, что они дают согласие на самый тщательный обыск вплоть до раздевания догола (4). При свидании в присутствии надзирателей обыск не производится, однако всякие контакты запрещены. З/к не может даже пожать руку жене или поцеловать ребенка. Между ними выдерживается расстояние около двух метров. Они разделены барьером. Разговор может вестись только на русском языке. Теоретически возможно приглашение переводчика, однако этого никогда не делается.

Переписка з/к резко ограничена. Он отправляет лишь два письма в месяц (в ПКТ одно письмо в 2 месяца). Получение писем теоретически не ограничено. Однако практически корреспонденция з/к произвольно фильтруется. Помимо официальных конфискации писем по мотивам «недозволенности» информации, значительная доля писем (иногда до половины) просто исчезает, причем з/к об этом даже не ставят в известность. Сроки вручения разрешенных писем растягиваются подчас на недели, а иногда и на месяцы. Особенно это все относится к зарубежной корреспонденции.

З/к может получать и читать литературу, только изданную в СССР (как периодику, так и книги). Даже литература из дружественных СССР социалистических стран, даже иностранная коммунистическая печать находится под строгим запретом. Таким образом информация, поступающая в лагерь, строго фильтруется. В лагере полностью также отсутствуют радиоприемники и телевизоры.

Лагерная библиотека очень скудна, и возможности

получения литературы извне резко ограничены. З/к может получать книги только через систему «Книга-почтой», это практически означает, что получить можно только недавно изданные и не пользующиеся спросом книги. Получить книгу прошлых лет издания или тем более дефицитную книгу невозможно. Присылка любого вида печатных изданий частными лицами строгойше запрещена. Невозможно даже вложить в письмо газетную вырезку.

В результате этого для лиц умственного труда, какими являются многие полит-з/к, всякие возможности поддержания своей квалификации на должном уровне (не говоря уже о творчестве) — полностью исключены. Выйдя из лагеря после многих лет заключения человек оказывается полностью дисквалифицированным как специалист.

Отметим, что суровые ограничения на получение литературы принимают особенно нетерпимый характер, когда речь идет о получении религиозной литературы (прислать в лагерь Библию или Евангелие невозможно) или такой литературы, которой в СССР попросту не издается (например, литература на иврите).

Ограничения творческой работы для лиц умственного труда выражаются не только в отсутствии литературы. Художник, например, лишен всякой возможности творить, ибо упомянутая уже Инструкция № 20 категорически запрещает краски и даже цветные карандаши. В исторической литературе до сих пор со справедливым негодованием пишут о запрещении рисовать, наложенном на Тараса Шевченко. Это трудно совместить с Инструкцией № 20. Заметим, что художники есть и среди нас.

Перечисленное в настоящем письме — лишь часть тех недопустимых, антигуманных и унижительных явлений, с которыми приходится сталкиваться полит-з/к в советском лагере.

Мы ожидаем, что наше письмо привлечет внимание вашего Комитета, равно как и общественности в целом, к этой острой и безотлагательной проблеме.

Мы предоставляем Комитету полное право использовать настоящее письмо в любых формах, которые он сочтет целесообразным.

Март — Апрель 1974 года.

К. А. Любарский

А. М. Гольдфельд

Б. П. Озерников

З. В. Попадюк, укр. полит-з/к

Б. Пэнсон

С. А. Бабич

Цифры в тексте (1), (2), (3) и (4) соответствуют ниже приведенным сноскам составителя сборника:*

1) 10-11 декабря 1974 года в Париже состоялась Конференция по пыткам, международная конференция неправительственных организаций, проходившая под лозунгом, цитируемой выше в этом письме статьи 5 Всеобщей декларации прав человека. В документах этой Конференции, в частности, утверждалось: «Заключенные или любые другие лица, содержащиеся против их воли, должны иметь право на свободное приглашение врачей по их собственному выбору». А в качестве инструмента имплементации этого (и других) принципа Медицинская комиссия Конференции учредила специальный Комитет, в задачу которого будет входить, в частности, изучение существующих национальных и международных врачебных кодексов на предмет соответствия их принципам, принятым Конференцией, а также обеспечение информации о кодексах медицинской этики врачебного персонала, работающего в пенитенциариях.

2) 4 ноября 1973 года, в годовщину смерти Юрия Галанскова, многие заключенные направили протесты. Вот ответ прокурора учреждения ЖХ 385 Ганичева на один из них: «Романову А. И. объявить, что смерть Галанскова в причинной связи с незаконными действиями администрации в местах

* Примечание А. Твердохлебова.

лишения свободы не находится. Протест Романова необоснован», 27 декабря 1973 года.

3) «Осужденный обязан при встрече с сотрудником ИТУ или другими должностными лицами, посещающими ИТУ, здороваться с ними, вставать, в теплое время года снять головной убор. Осужденный обращается к сотрудникам ИТУ на «Вы» и называет «гражданин» или «гражданка» и далее звание и занимаемую должность», из Правил режима содержания.

4) Из письма-обращения матери политзаключенного Б. Пэнсона «21 мая я поехала к сыну в 19-й лагерь на свидание. Одни сутки пришлось нам прождать под предлогом, что в комнате свиданий произвели дезинфекцию. Я лично и другие, которые были на свидании, не заметили никаких симптомов или признаков дезинфекции. Это все было придумано, чтобы играть на нервах посетителей. Пока попадешь на свидание, немало портят нервов. На сей раз нас, родителей, которые приехали на свидание к своим, вызвал к себе в кабинет начальник в военной форме и сказал нам, что если мы согласны на личный обыск, то нам дадут свидания... На личном обыске мне пришлось раздеваться и одеваться не менее 8-и раз. Каждый раз обыск продолжался приблизительно 20-30 минут».

СЛЕДСТВЕННЫЙ ИЗОЛЯТОР ЛЕФОРТОВО

(Анонимный текст).

Следственный изолятор в Лефортово (Москва) слывет образцовой тюрьмой, в особенности в отношении санитарных условий.

Тюрьма представляет собой четырехэтажное здание в форме лежащей горизонтально буквы «К» (четыре четырехэтажных луча, исходящие из одного центра). Тюрьма рассчитана на 600 человек — 200 камер, на троих каждая. В 1972-1973 гг. в ней находилось 110-150 заключенных, обычно по двое в камере, редко по трое или по одному.

Камера примерно $2,3 \times 3,5^2$ с одним окном у меньшей (2,3) стены. Пол и стены — цементные. Окно из небьющегося стекла замазано белой матовой краской, исключая незамазанную полосу в верхней части. Решетка — с внешней стороны окна. Вентиляции нет, если не считать форточку окна и щели двери и «кормушки». В камере три кровати вдоль стен, табуретки, столик, умывальник, унитаз с бачком, радиатор отопления. Лампочка у потолка — 60-70 ватт — горит круглосуточно. Заключенные спят с самодельной повязкой на глазах. Днем по просьбе заключенных свет выключают, но такие просьбы бывают редки и лишь летом, поскольку окна матовые и света не хватает.

Подъем в 6 часов утра. Надо застелить кровать, после чего можно снова ложиться спать одетым, не расправляя постель. Но утром, сразу же после подъема, это вряд ли удастся: все время хлопает «кормушка»: разносят чай, сахар, хлеб (на весь день), приходит дежурный спросить, не надо ли чего порезать — колбасу, сыр (ножей в камере нет), приносят очки, ручки, бумагу

для записей. Чай — один чайник на камеру на весь день. Чай очень дурной, с привкусом, его держат под подушкой, чтобы не сразу остыл. Женщины обычно просят выдавать чайник на каждую, и в известных случаях их просьба удовлетворяется. Сахар — 20 грамм на весь день, т.е. три кусочка быстрорастворимого сахара (прежняя норма — 15 грамм). Хлеб черный, обычный (за 16 копеек кг) выдается с утра на весь день без ограничений. Завтрак — в 8 утра. На завтрак чаще всего дают пшеничную кашу в достаточном количестве, практически по желанию, реже — вермишель. В кашу, по-видимому, добавляют постное масло.

Прогулка — 1 час в день в различное время. Заключенные каждой камеры «гуляют» в одном, из специальных дворишков-отсеков, так что раздельное камерное содержание сохраняется и на время прогулки. Дворик представляет собой камеру без крыши размерами примерно 6 × 3 м². Стены высотой три метра плюс еще 1,5 м фанерных щитов, чтобы заключенные, гуляющие в соседних отсеках, не перебрасывали друг другу записок. Поверху ходит надзиратель, следит, в частности, за тем, чтобы не разговаривали громко, так чтобы разговор в одном отсеке не был слышен в другом.

В обед на первое бывает: рассольник, щи, рыбный суп, перловый с картофелем, попеременно. Лучше всего — рассольник. В нем иногда попадаются 3-5 кусочков мяса величиной с ноготь. Это — все мясо в рационе заключенных, если не считать колбасы (копченой) ларька или передач. На второе дают попеременно: каши — перловую, овсяную, очень редко гречневую, вермишель — все без масла, картофельное пюре (реже и цельную отварную картошку) иногда с маленьким кусочком трески или же с томатной подливкой, в которой можно обнаружить мелкие волокна рыбы. На ужин дают из того же набора, что и второе, но в тот же день всегда другое и уже без рыбы. Отбой в 10 часов вечера.

Тюремная библиотека почти без макулатуры, много философии, Кант, Гегель, Маккиавели, и древняя история Рима Момзена, собрания сочинений классиков — все больше академические издания довоенных и дореволюционных времен, но не всегда полные комплекты. Книги меняют раз в 10 дней, по три книги на человека. Из газет дают только «Правду».

Раз в 10 дней меняют белье и водят в баню (душевые кабинки), при этом также соблюден принцип: ни один заключенный за все время пребывания в следственном изоляторе не видит других, за исключением сокамерника. С мылом затруднений нет (оно не засчитывается в вес передачи), однако шампунь не пропускают.

В Лефортовском ларьке заключенные могут покупать дополнительные продукты на сумму 5 рублей дважды в месяц. На эти 5 рублей можно покупать следующее: сливочное масло — до 200 г, сахар — до 250 г, колбаса (копченая или полукопченая) — до 500 г, сыр — до 500 г, белый хлеб — до двух батонов, сухари — до 2 кг, сигареты (14-тикопеечные) — неограниченно. Иногда, например, когда есть только дорогая копченая колбаса, разрешается выходить за пределы 5 рублей, но не более, чем на 1 рубль. Кроме того, больным по письменному заявлению отпускают дополнительные продукты по списку.

С воли родственникам разрешается приносить продуктовые передачи один раз в месяц. Дополнительные передачи могут быть переданы только с разрешения следователя. Каждая ежемесячная продуктовая передача не должна превышать 5 кг и передавать в ней можно только следующие продукты: колбаса копченая — до 1 кг, сыр — 0,5 кг, сахар — до 0,5 кг, хлеб, булки, печенье — непременно фабричного производства — до 2 кг, фрукты, овощи (только свежие) — до 2 кг, орехи не принимают.

О ПИТАНИИ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ТЮРЬМЕ (Анонимный текст)

При переводе заключенного из лагеря в тюрьму в течение первого месяца он получает питание по пониженной норме. В течение этого месяца он не может пользоваться ларьком и своими продуктами, привезенными из лагеря. Затем его переводят на 2 месяца на строгий режим. Заключенный может пользоваться своими продуктами и ларьком на 2 рубля в месяц. Позднее его переводят на общую тюремную норму питания и пользование ларьком на 3 рубля в месяц.

Дневная норма питания

	Общая тюремная норма		Пониженная норма
	с июля 1972 г.	[было] до июля 1972 г.	
хлеб	450 г.	500 г.	450 г.
мясо	40 г.	40 г.	—
рыба	70 г.	85 г.	60 г.
картофель	550 г.	500 г.	250 г.
овощи	250 г.	300 г.	200 г.
крупа	90 г.	75 г.	50 г.
макароны	10 г.	10 г.	—
мука	10 г.	10 г.	—
масло растительное	15 г.	15 г.	6 г.
комбижир, сало	5 г.	—	—
сахар	20 г.	15 г.	—
соль	10 г.	10 г.	10 г.

В карцере и штрафном изоляторе строгого режима выдается также пониженная норма питания, но через день. В каждый второй день выдается только 450 г. хлеба, столовая ложка соли, кипяток.

Питание по строгому режиму отличается от общей нормы количеством хлеба — 400 г., и сахара... остальные продукты те же, что и в общей норме. Калорийность общей тюремной нормы — 2000-21000 ккал, пониженной — 1500 ккал. Продукты, из которых готовится пища заключенным, очень низкого качества. Хлеб только черный, очень сырой, тяжелый.

Меню на неделю по общей норме питания

(хлеб, сахар, килька/минтай/ выдаются по утрам на весь день)

	завтрак	обед	ужин
Понедельник	суп	1) суп (какой-нибудь другой, чем в завтрак) 2) каша	картошка
Вторник	каша	1) суп гороховый 2) каша	картошка
Среда	каша	1) борщ 2) каша (часто овсяная)	каша
Четверг	каша	1) суп макаронный 2) каша	винегрет
Пятница	картошка	1) щи 2) каша	картошка
Суббота	каша	1) суп гороховый 2) каша	картошка
Воскресенье	каша	1) суп макаронный 2) каша	винегрет

Меню при пониженной норме питания

Завтрак	килька, хлеб, кипяток
Обед	суп или борщ (только одно, первое блюдо)
Ужин	каша

Суп очень жидкий, как правило из крупы (пшено-ячневая, перловая, овсяная), макарон или гороха с добавлением ничтожного количества картошки. Мяса практически в супе не бывает. Заключенные говорят, что «мясо варят в мешке, вот если он прохудится — кому-то повезет». Кроме того, 2 раза в неделю — борщ или щи. И борщ и щи варят из очень кислой, не промытой капусты. Эта же капуста и в винегрете. В винегрет добавляют еще кислые огурцы. Иногда вместо винегрета дают вполне хорошую вареную свеклу. Рыба — килька или минтай. Соленая или маринованная, килька расплзается при первом прикосновении. Картофель готовится в виде жидкого водянистого темного пюре. Только осенью картошка бывает хорошей. Каша варится из той же крупы, что и суп, но погуще (чуть) и без картошки. В некоторые дни заключенные с больным желудком, как правило, ничего не едят в обед. Например, в среду, когда на обед борщ из кислой капусты и овсяная каша, в которой очень много овсяных чешуек.

Два раза в месяц заключенный может покупать продукты в ларьке. Покупка продуктов — дело очень ответственное. Необходим строгий расчет, чтобы обеспечить себя продуктами. Даже при ограниченном ассортименте продуктов и малой сумме денег, которой располагает заключенный (3 рубля на общем и 2 рубля на строгом режимах) — лишение ларька переживается очень тяжело. В период питания по пониженной норме заключенному не разрешается покупать в ларьке продукты питания и табак. Можно покупать только мыло, зубной порошок и т.п. на 2 рубля. Однако, запастись этими товарами впрок, чтобы в дальнейшем не тратить на них денег, нельзя, так как отпускаемое количество кусков мыла и коробок порошка ограничено.

Товары ларька

должны продаваться	практически имелось в период 1970-1973 гг.	предельная отпускаемая норма.
хлебо-булочные изделия	черный — 14 коп., батоны — 15 коп., сухари — 98 коп.	2 кг.
сельдь	не было	
рыбные консервы	имеются	
овощные консервы	имеются	
мясо-овощные консервы	не было	
сало-бобовые консервы	не было	
сало-шпиг	появилось с февраля 73 г.	
сыр	«колбасный» по 1 р. 6 к., иногда по 2 р. 60 к.	
масло растительное	не было	
маргарин, масло	маргарин есть всегда од- ного вида (по 30 или 32 к.), часто есть сли- вочное масло.	
конфеты	только одного сорта по цене от 1.30 до 2.30, де- шевые редко, леденцов не было.	
лук	бывает очень нерегулярно	
чеснок	не было	
табачные изделия	махорка, спички, кури- тельной бумаги нет, си- гареты «Шипка», папи- росы «Прибой», «Бело- мор», «Север», и др.	
зубной порошок	имеется	2 коробки
мыло туалетное	различное: «землянич- ное», «хвойное» и др.	2 куска
лезвия и станки для бритья	продают только работа- ющим	

Кроме того, сверх лимита можно купить тетради, конверты, открытки, карандаши, марки, ручки и стержни (ручки и стержни в действительности продают только учащимся). В течение некоторого времени продавали (сверх лимита) механические бритвы, но вскоре перестали.

Распорядок дня во Владимирской тюрьме: 6 часов — подъем; 6.15-8 — завтрак (в разных камерах в разное время); 8-8.15 — проверка; 12-13 — обед; 16.30 — проверка; 18 — ужин; 22 — отбой.

При выводе на работу: 8.30 — вывод на работу, 16.20 — окончание работы.

СБОРНИК «МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ»

В 1973 г. в Самиздате были опубликованы 4 выпуска сборника «Международная Амнистия». Составители выпусков 1 и 2 — В. Архангельский и А. Твердохлебов. Выпуски 3 и 4 составлены А. Твердохлебовым.

Выпуски этого сборника знакомят читателя с деятельностью организации Эмнести Интернейшнел, с международно-правовыми документами. Помимо этого, в сборники включены документы советского движения в защиту прав человека.

Здесь помещен анонимный текст из выпуска 2 «Об опеке узников совести. Практические рекомендации»; ему предпослано оглавление первых трех выпусков сборника «Международная Амнистия».

В 4-м выпуске сборника помещено следующее сообщение А. Твердохлебова: «Этот четвертый выпуск сборника, последний в этом году, похоже, станет и вообще последним, поскольку технические трудности его издания становятся все более принципиальными».

МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ

[выпуск 1]

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От составителей

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Амнистия
2. Статут Международной Амнистии
3. Резолюции Международной Сессии 1972 г.
4. Из опубликованных работ Амнистии:
 - а) Доклад о миссии в Загребе
28 августа 1972 г.
 - б) Проблемы изучения практического
опыта и традиций Амнистии

ЧАСТЬ ВТОРОЯ

1. О понятии «политзаключенный» (записка
В. Чалидзе Комитету прав человека)
2. Об опеке политзаключенных. Заявление
А. Твердохлебова в Союзе Обществ Красного
Креста и Красного Полумесяца
3. Об отмене смертной казни.
 - а) Заявление В. Лапина в Верховный
Совет СССР
 - б) Заявление А. Сахарова и др.
в Верховный Совет СССР
4. Об амнистии политзаключенных.
Заявление А. Сахарова и др.
в Верховный Совет СССР

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Правила-минимум содержания заключенных
2. Факультативный Протокол
3. Статут Международной Амнистии (англ.)

* * *

Составители: А. Твердохлебов, В. Архангельский
Москва, январь 1973 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ

[выпуск 2]

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. К. Хилл. Некоторые философские проблемы прав человека
2. В. Архангельский. Право на объединение.

ЧАСТЬ ВТОРОЯ

1. О свободе распространения информации
А. Твердохлебов. Письмо в редакцию
«Вечерней Москвы».
2. Об опеке узников совести
Практические рекомендации

* * *

Составители: В. Архангельский, А. Твердохлебов
Москва, март 1973 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ

[выпуск 3]

ЧАСТЬ 1

Рудольф Иеринг «Борьба за право»

ЧАСТЬ 2

«Амнисти интернейшнл ньюслеттер»

Что может сделать амнистия?

ЧАСТЬ 3

Казус С. Мюге.

Казус В. Хаустова.

Казус П. Григоренко.

Казус В. Буковского.

Составитель — А. Н. Твердохлебов.

ОБ ОПЕКЕ УЗНИКОВ СОВЕСТИ (Практические рекомендации).

Посылки (передачи) и бандероли

О количестве посылок и бандеролей см. «Таблицу ограничений на разных режимах», а также первое и второе примечания к ней.

Посылки и бандероли могут посылать заключенному любые лица, но этого не следует делать, не согласовав с кем-либо из ближайших родственников или с «ведущим».

И в посылке, и в бандероли можно посылать и продукты, и вещи. Выясните, не нужны ли заключенному варежки или перчатки, шарф, теплое белье, теплые и простые носки, носовые платки. Обычно тетради, авторучки и «шарики» к ним продаются в магазине (или «ларьке») лагеря, причем, согласно ст. 25 Кодекса, за «переводные» деньги. Поэтому не стоит тратить на них все посылки или бандероли, если заключенный об этом специально не просит. Носовые платки также обычно продаются, но за деньги, заработанные в лагере.

На продукты в бандеролях, а в ряде лагерей — и в посылках, введены ограничения, которые часто меняются и различны в разных лагерях. Заранее попросите заключенного сообщить вам о тех ограничениях, которые соблюдаются особенно строго.

В «Комментарии к Основам исправительно — трудового законодательства СССР» сказано, что в бандеролях из продуктов можно посылать только «сухие кондитерские изделия, за исключением шоколада и изделий из него» (ст. 25, п. 3).

Иногда запрещенные продукты возвращают отправителю, и таким образом разрешенный вес посылки (бандероли) используется неполностью. Посылку (бандероль) неполного веса зачтут за целую и досылать потом до 5 кг. (до 1 кг.) нельзя.

Если вес посылки (бандероли) превышает 5 кг. (1 кг.), ее целиком вернут отправителю.

Вес посылки (бандероли) считается вместе с тарой, поэтому тара должна быть легкая и, разумеется, прочная. Для посылки, например, удобна картонная коробка из-под женских сапог. Пакеты, коробки, полиэтиленовые, мешки, бумажную обертку, в которые упакованы отдельные продукты, при выдаче посылки (бандероли) заключенному часто не выдают. Их вес и количество следует, как возможно, уменьшить.

Имейте в виду, что при выдаче посылки (бандероли) в ней ищут мелкие запрещенные предметы (деньги, наркотики и др.). Поэтому могут не разрешить, например, домашний пирог, а если разрешат, то при выдаче, вероятно, раскрошат. По этой же причине не разрешат ничего упакованного в тубики, например, зубную пасту.

Как правило, запрещено посылать любые лекарства и даже витамины, (но могут пройти витаминизированные конфеты). Иногда запрещают чай.

Посылки (бандероли) из-за границы, насколько нам известно, выдают (вернуть их отправителю — сложно). Однако это иногда может осложнить положение заключенного, например, послужить поводом для отказа отравить на «химию» или в колонию — поселение (напомним, что из политических лагерей не отправляют ни на «химию», ни, за редчайшим исключением, в колонию — поселение.).

Какие продукты посылать — зависит от вкусов заключенного, запретов данного лагеря и ваших возможностей. Продуктовая посылка (бандероль) имеет две взаимосвязанные, но разные цели: добавить калорий к ра-

циону и добавить положительных эмоций к настроению. Вторая цель иногда не менее важна, чем первая.

Полезно, чтобы посылка (бандероль) не была слишком однообразной, например, чтобы не состояла целиком из одного продукта. Однако, «однообразной» посылки (бандероли) заключенному хватит на большой срок, чем такой, где всего понемногу. Попросите заключенного по возможности сообщить, какие продукты и предметы первой необходимости продаются в магазине («ларьке»). Обычно нецелесообразно расходовать на них вес посылки (бандероли), даже если сам заключенный и не «отоваривается». В некоторых лагерях запрещено присылать продукты, которые продаются в «ларьке».

Среди разрешенных продуктов старайтесь отбирать наиболее калорийные и наиболее концентрированные. Например, сухое молоко лучше, чем сгущенное, а сухие сливки — еще лучше. Полезно также послать (не быстrorастворимый) сахар — если он разрешен.

Ценные советы насчет посылок и бандеролей (а также свиданий) могут дать опытные родственники политзаключенных, а также недавно освободившиеся политзаключенные — особенно из политических лагерей, где ограничений гораздо больше. Многие указывать в «Пособии» нецелесообразно.

При отправлении посылки больших усилий может потребовать ее упаковка. Зашить ее нужно строго в соответствии с почтовыми правилами. В ряде городов можно (?) по телефону вызвать на дом работника почты, который упакует и примет посылку. Упаковать посылку могут также на центральном почтамте. Следует ее взвесить до упаковки и добавить или убавить продукты до 5 кг. Бандероль упакуют на любой почте, обычно — в удобный полиэтиленовый пакет.

Бывает, что посылку (бандероль) возвращают из лагеря по ошибке с самыми фантастическими объяснения-

ми: «не прошло половины срока», могут спутать однофамильцев и даже объяснить, что «такой не числится или «выбыл».

При этом отправитель сможет получить свою посылку назад, только оплатив стоимость ее обратной отправки. Будьте готовы к такому повороту событий, по возможности, меньше переживайте и пошлите посылку снова. Если вам удастся взыскать с администрации лагеря стоимость обратной отправки и вторичной пересылки, это, по-видимому, застрахует вас на будущее от подобных случаев.

Если посылку вернули по ошибке, заключенный должен добиться, чтобы временем ее получения в лагере считалось время ее первого поступления. В противном случае следующую посылку разрешат получить на столько же позже срока, на сколько позже была фактически получена заключенным ошибочно возвращенная посылка.

Отправляя посылку или бандероль, обязательно сообщите это заключенному. Если посылку возвращают, об этом обычно не считают нужным уведомить заключенного. Однако если он сам спросит, то ему скорей всего подтвердят этот факт и укажут причину возврата.

Свидания

1. Свидания бывают личные и общие (официальные названия: «длительные» и «краткосрочные»).

Личное свидание происходит без надзирателя. Его предоставляют только близким родственникам на срок до трех суток, но чаще на одни или двое суток. В эти дни заключенного могут выводить на работу, но могут и не выводить.

Для личного свидания с супругом не забудьте взять свидетельство о браке — отметки в паспорте недостаточно. Если ваш брак с заключенным не зарегистрирован, попробуйте добиться его регистрации. Если у вас

нет детей от этого брака, добиться регистрации будет исключительно трудно, но такие случаи были.

Общее свидание происходит в присутствии надзирателя и обычно сразу у многих заключенных в одной комнате. Оно предоставляется на срок до четырех часов, но, как правило, меньше. На общее свидание должны допускать и неродственников, но на практике это бывает очень редко, особенно в политических лагерях. В Комментарий к Основам говорится что свидание с неродственником «предоставляется лишь в том случае, когда, по мнению администрации исправительно-трудового учреждения, такое свидание не будет отрицательно влиять на осужденного».

2. Кодекс не указывает, сколько человек может одновременно присутствовать на свидании с одним заключенным. В «Комментарий к Основам» говорится: «Свидание осужденному предоставляется не более, чем с двумя взрослыми лицами одновременно, вместе с которыми могут быть и несовершеннолетние дети осужденного» (Комментарий к ст. 24, п. 4). На практике бывают отклонения в ту и в другую сторону.

Если вы хотите получить общее свидание с политзаключенным, не будучи его родственником, это надо согласовать с его близкими, которые имеют больше прав на свидание с ним.

3. На общем свидании не разрешается передавать никаких вещей и еды. На личном заключенного можно кормить (в лагере предоставляется посуда, кастрюли, сковороды, плита и т.п.), можно передать ему вещи: нательное белье — например, вместо того, что на нем; несколько носовых платков, носки, портянки, перчатки или варежки, шарф, авторучку с запасом «шариков». Можно также передать 1-2 пачки сигарет, 1-2 куска хорошего мыла, полиэтиленовые мешки, иголки и т.п. Может быть, разрешат передать несколько книг. Не исключено, что некоторые из этих вещей все таки раз-

решат передать и на общем свидании. Приготовьте на этот случай шоколадку, пару пачек сигарет.

Готовясь к свиданию, попросите заключенного написать, какие вещи ему нужны. Ему может пригодиться и второй шарф, и лишние теплые носки, перчатки и т.д.

4. Если ко времени свидания заключенному положена бандероль или посылка (передача), или то и другое, то разумно передать их ему после свидания и таким образом сэкономить на весе тары. Кроме того, при этом можно передать продукты, которые иначе могли бы испортиться при пересылке по почте. Если же ни бандероль, ни посылка не положены, то вообще говоря ему не разрешат вынести со свидания продукты. Однако на практике изредка бывают исключения.

5. Обычно заключенных обыскивают — как перед личным свиданием, так и после него. Бывают также, особенно в политических лагерях, обыски «вольных» граждан, приехавших на свидание, — и перед личным свиданием (при отказе подвергаться обыску угрожают лишить свидания), и после него, а иногда в третий раз — в районном центре после отъезда из лагеря.

6. Имейте в виду и сообщите заключенному, что известны случаи (даже в уголовном лагере), когда перед личным свиданием политзаключенного устанавливаются подслушивающие и записывающие аппараты. Они могут быть установлены, например, в комнате, соседней с той, в которой происходит ваше свидание.

7. Бывает, что у «вольных» граждан при обыске перед личным свиданием отбирают ручки, карандаши, бумагу.

8. Продукты, которыми вы собираетесь кормить заключенного на личном свидании, разумно взять по возможности готовые: скорей всего ни вам, ни заключенному не захочется тратить время свидания на то, чтобы готовить что-то сложное. Если, однако, свидание предоставлено заключенному с выводом на работу, а после работы свидание будет продолжено, имеет смысл в это время заняться кулинарией.

9. Готовясь к свиданию, очень полезно заранее составить два списка — **что сообщить** и **о чем спросить**. Всегда можно сделать эти списки такими, чтобы открыто ими пользоваться даже на общем свидании. Вместе с тем содержание их следует запомнить, поскольку пользоваться ими могут не разрешить — просто на всякий случай. Перед свиданием перечитайте письма заключенного, хотя бы последние. Почти всегда в них окажутся места, которые остались неясными или содержат обещание что-то рассказать при встрече. Посоветуйте ему в письме сделать то же, перечитать ваши письма и составить список вопросов и сообщений.

10. Итак, перед свиданием нужно продумать и приготовить три вещи: продукты; предметы одежды и обихода; информацию. Кроме того, полезно приготовить **нейтральный адрес**, которым заключенный воспользуется при каких-либо чрезвычайных обстоятельствах.

11. Зачастую политзаключенный отбывает срок настолько далеко от дома, что ездить к нему на общие свидания не представляется возможным. В таком случае вы можете после личного свидания попросить еще и общее. Могут и разрешить и не разрешить.

12. Последний совет: собираясь на свидание, приготовьтесь ко всяким неожиданностям вплоть до того, что свидание отменят в последний момент. Например, в порядке наказания заключенного или из-за карантина. В случае карантина, если вы приехали издалека и не знали о карантине, свидание иногда могут все-таки дать.

О труде заключенных

В ст. 39 Кодекса сказано, что труд заключенных «оплачивается в соответствии с его количеством и качеством по нормам и расценкам, действующим в народном хозяйстве», т.е. так же, как труд «вольных» (некоторое уточнение этого см. в Комментарий к Основам, ст. 29, п. 1).

За невыполнение норм иногда (особенно в политических лагерях) наказывают, как за нарушение режима: лишают свиданий, посылок и т.д.

В той же ст. 39 говорится, что «на лицевой счет осужденных, не допускающих нарушения режима и выполняющих нормы выработки и установленные задания должно зачисляться независимо от всех удержаний не менее десяти процентов... начисленного им месячного заработка» (см. также Комментарий, ст. 29, п. 4).

В действительности тут много возможностей для злоупотреблений. Будучи заключенным, весьма трудно установить, каковы действующие в народном хозяйстве нормы и расценки. Лагерные нормы и расценки могут иногда существенно от них отличаться. Если у заключенного возникло такое подозрение, попробуйте сделать запрос, например, через адвоката, о нормах и расценках для «вольных» на соответствующем производстве. С официальной справкой из консультации можно будет обратиться к начальнику лагеря или в МВД. Можно также, имея в руках соответствующий справочник, послать в лагерь **телеграмму с заверенным фактом**. Но администрация может ее игнорировать.

Аналогичное положение с охраной труда заключенных. Согласно ст. 38 Кодекса, «труд осужденных организуется с соблюдением правил охраны труда и техники безопасности, установленных законодательством о труде», т.е. как у «вольных» (см. также Комментарий, ст. 28, п. 10). Здесь также бывают злоупотребления. Они ведут к травматизму. Иногда может оказаться очень ценной официальная справка об охране труда и технике безопасности, которые должны быть на данном производстве.

Если заключенный не просит выяснить, каковы нормы, расценки, правила труда, это не обязательно означает, что здесь все благополучно: он может просто не подумать о возможности злоупотреблений в этой области

или о возможности борьбы с ними. Поэтому желательно, чтобы вы, как только узнаете, какую работу должен выполнять заключенный, сами выяснили (например, из справочников) нормы, расценки и в некоторых случаях — правила охраны труда этого производства, а также соответствующие данные для лагеря.

Сведения о выполняемой заключенными работе, нормах, расценках, травматизме в лагере цензура может в письме не пропустить. Их можно будет сообщить на свидании.

Заметим, что изредка бывают случаи, когда заключенный фактически получает возможность не работать или почти не работать в лагере, и его устраивает, что при этом он не будет иметь денег на магазин. Ясно, что в этом случае вопрос о нормах и расценках не встает.

Из суммы, которую начисляют заключенному, производят целый ряд вычетов, и бывает, особенно в лагере общего режима, что после этого у заключенного денег на магазин (он же «ларек») не остается. В первую очередь вычитают на содержание исправительно-трудовых учреждений — обычно 50% заработка. Затем вычитают стоимость питания (приблизительно 13 рублей в месяц). Третий вычет — возмещение стоимости одежды и обуви специального образца, а также белья, которые заключенный получает по прибытии в лагерь. Это возмещение производится в рассрочку, в разных случаях по-разному. Бывает, что расплатиться за одежду заключенный не может вплоть до освобождения. Тогда его долг списывается, однако и в этом случае ему могут оставлять каждый месяц некоторую сумму на магазин, но могут и не оставлять. У некоторых заключенных бывает еще четвертый вычет — удержание исков, алиментов и др.

С другой стороны, бывает, что заключенный ежемесячно зарабатывает 30-40 рублей в месяц и даже помогает деньгами своей семье.

Деньги

Заклученному запрещено иметь при себе наличные деньги, а также ценные вещи. Все его деньги зачисляются на лицевой счет, причем все время отдельно учитываются деньги, заработанные в местах лишения свободы, и «переводные», т.е. полученные по почтовому переводу.

Заклученный может получать и отправлять денежные переводы без ограничений.

В лагере и в тюрьме заклученный может покупать в магазине некоторые продукты и предметы первой необходимости, но **лишь за счет денег, заработанных в местах лишения свободы.** Только инвалиды I и II групп, беременные женщины, кормящие матери и некоторые другие категории заклученных могут использовать для этого «переводные» деньги.

Тем не менее «переводные» деньги постоянно нужны каждому заклученному, который почему-либо ничего или почти ничего не зарабатывает, а в тюрьме и в первое время в лагере — всем без исключения. Эти деньги, согласно ст. 25 Кодекса, можно тратить **без ограничения** на подписку на газеты и журналы, на приобретение книг наложенным платежом (а изредка и в самом лагере). Заметим, кстати, что в этой же ст. 25 Кодекса предусмотрено право заклученных приобретать без ограничения письменные принадлежности, но в Комментарий к Основам (ст. 23, п. 5) в противоречие с этим положением говорится только об «осужденных, обучающихся в общеобразовательной школе». Иногда в лагере бывают платные концерты и спектакли (кинофильмы в лагере бесплатные). На «переводные» деньги можно подавать телеграммы. В очень редких случаях могут разрешить «отовариться» на небольшую сумму за счет «переводных» денег (например, при длительной болезни или полном отсутствии работы).

Поэтому **нужно посылать заклученному некоторую сумму денег каждый раз**, когда его переводят в другое

место (тюрьму, больницу, следственный изолятор, другой лагерь и т.п.). Деньги, которые у него имелись на лицевом счете в каждом из предыдущих мест заключения, впоследствии придут в данное место, но они могут отстать на несколько месяцев.

Иногда полезно просить разрешения уплатить за одежду заключенного не в рассрочку, а сразу, за счет «переводных» денег, и присылать ему для этого деньги. Это имеет смысл в том случае, если после остальных вычетов из зарплаты (см. раздел «О труде заключенных») у заключенного будут оставаться деньги на магазин. (Стоимость зимней одежды заключенного — порядка 80 рублей). Это же касается иска, алиментов и других выплат. Между прочим, иногда заключенных не назначают на «окладные» должности, на которых гарантирована некоторая сумма на магазин, — только потому, что у них имеются иски или алименты.

Вместе с тем, если заключенный может быть сочтен «злостно уклоняющимся от работы», нецелесообразно, чтобы у него было слишком много «переводных» денег, поскольку из них могут принудительно вычесть за одежду и питание (ст. 30 Кодекса).

Если при освобождении у заключенного нет денег на лицевом счете, ему выдадут небольшую сумму (15-25 рублей).

Товары через посылторг

Получение товаров через Посылторг не запрещается, но администрация лагеря, а также и заключенные могут об этом не знать. Поэтому приводим длинную цитату из Комментария к ст. 23 Основ исправительнотрудового законодательства СССР, пункт 5. Там говорится:

«Могут ли осужденные и в каких случаях расходовать имеющиеся на их лицевых счетах деньги сверх установленных пределов? На этот вопрос следует ответить положительно. Во-первых, потому, что закон огра-

ничивает осужденных в праве расходования денег только на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Во-вторых, Основы... предусматривают случаи расходования осужденными денег сверх сумм, установленных ст. 23 Основ». (Далее в Комментарий приводится несколько таких случаев — приобретение литературы и другие).

«Наконец, осужденные не лишены возможности расходовать деньги на приобретение товаров через магазины «Посылторга». Приобретенными товарами они могут пользоваться в исправительно-трудовых учреждениях только тогда, когда пользование ими не противоречит правилам режима. Если противоречит, то эти товары передаются в склад исправительно-трудового учреждения на хранение до освобождения осужденного».

Через Посылторг можно получать достаточно разнообразные товары, которые, вероятно, могут разрешить. Это — музыкальные инструменты и запасные части к ним, а также самоучители игры на некоторых инструментах; спорт-товары: мячи разные, бадминтон, гантели, рукавицы для лыжников, шахматы, шашки, домино (эти игры в лагере и тюрьме бывают, но свои могут пригодиться), набор туристской посуды и другие; канцелярские товары, краски акварельные и масляные, кисти для живописи; белье постельное и нательное (в частности, лечебное белье — применяется при лечении ишиаса, радикулита и др. болезней); носки и чулки; шарфы, рукавицы кожаные, нитки и другая галантерея; изделия из пластмасс (тарелки, мундштуки, полиэтиленовые мешочки и другие); кремы для кожи, в том числе «Тайга» или «Геолог» от комаров, разные сорта туалетного мыла, зубных порошков и пасты; проигрыватели и большой выбор грампластинок. (Проигрыватели следует выписывать такие, к которым не требуется радиоприемник). На пластинках, кроме различных музыкальных записей, в частности, национальной музыки разных народов, име-

ются уроки гимнастики для мужчин и женщин разных возрастов, уроки иностранных языков для слушателей с разным уровнем подготовки, музыкально-образовательные записи, в частности, по сольфеджио и музыкальные диктанты, лекции и беседы о музыке. Через Посылторг можно приобретать также детские питательные смеси — если, разумеется, их разрешат получать.

В каждом почтовом отделении **должны** быть каталоги — общий «Товары — почтой», отдельно каталог грампластинок, отдельно — диапозитивов, диафильмов и кинофильмов. В действительности, каталоги на почте бывают не всегда. Бывает также, что они есть, но некоторые работники почты о них не знают, поскольку их очень редко спрашивают. В каждом каталоге имеются «Условия приема и выполнения заказов», а также адреса баз Посылторга. Заказы принимаются, **как правило**, наложенным платежом, т.е. с оплатой за товар и за пересылку при получении. Но заказы от заключенных работники Посылторга предпочитают принимать с предварительной оплатой, поскольку нет гарантии, что администрация лагеря разрешит выкупить товары, присланные наложенным платежом.

Вы можете делать заказы сами на адрес заключенного и оплачивать их заранее или сообщить о такой возможности заключенному, перечислив разные товары, их цены и адреса нескольких баз Посылторга. В каталоге, кроме цен, указаны расходы по пересылке с учетом расстояния от различных баз.

Можно попробовать достать каталоги в собственность (например, на базе Посылторга или в конторе Посылторга — Москва, Боярский пер. дом 4, вблизи метро Лермонтовская) с тем, чтобы переслать их заключенному. Для заказа товаров нужно получить на почте специальный бланк.

Посылая таким способом товары заключенному, вероятно, следует начать с небольших, недорогих пред-

метов, о которых наверняка известно, что они не противоречат правилам режима (например, шашки).

Про некоторые товары можно, наоборот, определенно сказать, что их не пропустят. Это, например, часы, фотоаппараты, приемники, компас, духи и одеколон, верхняя одежда и обувь «незековского» образца, ювелирные товары, бинокли.

О систематических занятиях политзаключенных

Очень полезно предоставить в распоряжение политзаключенного некоторую программу систематических занятий, рассчитанную на длительный срок. Речь может идти об учебе, а также об исследованиях, которые имеет смысл проводить именно в лагере.

Разумеется, наладить в лагере сколь-нибудь серьезные занятия чрезвычайно трудно. Этому мешают и почти полная невозможность уединиться или хотя бы побыть в тишине, и неуместное любопытство уголовников, и многое другое.

Кроме того, в заключении в условиях острого информационного голода (не говоря уже о голоде обыкновенном), в условиях однообразной, часто тяжелой работы и постоянного общения с уголовниками — даже не слабого духом человека охватывает «сонная одурь», по выражению одного политзаключенного, или «состояние умственной невесомости», по выражению другого. Это состояние больше всего мешает серьезным занятиям, но смысл таких занятий в том, в частности, и состоит, чтобы преодолеть это состояние и сделать жизнь в заключении более осмысленной и наполненной.

Помощь должна состоять не только в том, чтобы подсказать тему и методику занятий, но еще и в том, чтобы постоянной заинтересованностью, участием, обсуждением результатов и перспектив создать и поддерживать у политзаключенного соответствующий тонус.

Если занятия пойдут успешно, это, по-видимому, бу-

дет для политзаключенного огромным моральным подспорьем.

Попробуйте помочь учиться

Можно попытаться помогать заключенному учиться, например, по методике заочного обучения. Это, в первую очередь, касается политзаключенных без высшего образования и имеет для них тем больший смысл, что шансы попасть в вуз после освобождения, особенно на дневное отделение, у них не слишком велики.

Нужно выяснить склонность политзаключенного, возможности систематически консультировать его по избранным предметам и его готовность систематически их изучать.

Если среди ваших и его знакомых не найдется таких, которые могут и готовы его консультировать, — попробуйте обратиться в соответствующий вуз и договориться с преподавателями, работающими на заочном отделении. Вероятно, довольно быстро самому политзаключенному станет ясно, оправданы ли расходы на это. Не забудьте снабдить его учебниками (см. раздел «Книги», особенно п. 9).

Возможно, политзаключенный будет иногда учиться даже быстрее, чем предусмотрено для обычных заочников, тем более, что ему нет необходимости изучать все предметы учебного плана вуза и проходить по каждому предмету именно программу соответствующего вуза. Кроме того, необязательно и даже иногда нецелесообразно исходить из того, что изучаемые предметы станут в будущем специальностью политзаключенного. Учиться систематически захотят, возможно, и политзаключенные, у которых есть устраивающая их специальность.

С другой стороны, ясно, что по некоторым предметам, таким как философия, история, социология и другие, желательны консультации, не исчерпывающиеся про-

граммой и учебниками соответствующих вузов. Но это не значит, что надо, по существу, писать целый учебник для одного человека.

Вероятно, удобно, чтобы один и тот же человек консультировал по одному предмету нескольких политзаключенных. Может быть, разумно, чтобы политзаключенный подыскал еще одного-двух заключенных (не обязательно политических) и занимался вместе с ними.

О заочных курсах иностранных языков и стенографии

Центральные курсы заочного обучения иностранным языкам «Ин-яз» расположены по адресу: 121861, Москва, Большая Дорогомиловская ул., д. 27 (вблизи метро «Киевская»). На них можно учиться действительно заочно — от начала до конца обучения. Можно изучать английский, французский, немецкий, испанский и итальянский языки. Лица, совсем не знающие данный язык принимаются без экзаменов на подготовительный курс. Кроме подготовительного есть еще три курса. Можно поступить сразу на **любой** курс, сдав соответствующие письменные экзамены. Обучение платное — 25 рублей в год. Кроме того, наложенным платежом высылаются необходимые учебные пособия. Это составит еще несколько рублей в год.

Прием документов и высылка текстов экзаменационных работ проводится с 15 апреля по 10 июля. Однако, если будет принято достаточное число лиц, прием прекращается раньше.

Об окончании курсов выдается справка, которая не заменяет диплома о высшем или среднем образовании.

По вашей просьбе Курсы вышлют «Условия приема» (некоторые условия приведены выше). К ним прилагается заявление-анкета. Целесообразно попросить прислать «Условия» и в адрес заключенного и в ваш адрес. Некоторые пункты этих «Условий» могут вызвать затруднения. Например, требуется прислать данные о пас-

порте, три фотографии; анкета должна быть заверена по месту жительства или работы. Если администрация лагеря или тюрьмы не будет возражать против обучения заключенного на заочных курсах, эти трудности отпадут. Если будет возражать, можете попробовать сами заполнить анкету на имя заключенного или обратиться за разрешением в вышестоящую инстанцию.

При поступлении на курсы происходит нечто вроде заочного конкурса. Труднее всего попасть на английское отделение, несколько легче на французское, затем — немецкое и легче всего на испано-итальянское. В первую очередь принимаются лица с высшим образованием.

Имеются также Государственные Центральные курсы заочного обучения стенографии «ГЗОС». На эти курсы распоряжением МВД принимать заключенных запрещено. Можете попробовать записаться на них сами и пересылать заключенному учебные материалы, а от него — выполненные задания. Их адрес: Москва, Е-43, Измайловский бульвар, д. 12. Сроки обучения на них: первый курс — 7 месяцев — для тех, кто хочет овладеть стенографией для себя, и второй курс — 10 месяцев — для тех, кто хочет стать стенографом-профессионалом. Стоимость обучения 11 рублей за первый курс и 13 рублей 50 копеек за второй. Прием на курсы — круглый год.

Жалобы и заявления

За несколько лет заключения почти неизбежны жалобы и заявления. С ними можно обращаться:

в отдел по надзору за местами лишения свободы областной (краевой) прокуратуры, а также в отдел по надзору за исправительно-трудовыми учреждениями республиканской и союзной прокуратуры (Москва, К-9, Пушкинская ул., д. 15а);

в управление мест заключения областного (крае-

вого) управления внутренних дел, а также в Главное управление исправительно-трудовых учреждений министерства внутренних дел СССР (Москва, Большая Бронная, д. 23) там же приемная МВД);

в наблюдательную комиссию при исполкоме районного или городского (без районного деления) Совета, а также в наблюдательную комиссию при исполкоме областного (краевого) Совета. Для наблюдательной комиссии вышестоящей инстанцией является исполком соответствующего местного совета;

в районный комитет партии и в вышестоящие комитеты;

в местное управление Комитета государственной безопасности, если КГБ вел следствие по делу «вашего» заключенного.

Как правило, жалобы пишут, если допущено незаконное ухудшение положения заключенного, наложен необоснованный запрет и т.п. В каждом таком случае постарайтесь выяснить, чем в действительности вызвано ухудшение положения, кто (должность и по возможности фамилия) сделал об этом распоряжение, когда, в какой форме (постановление, приказ, устно) и с какой мотивировкой (она может не совпадать с истинной причиной). Если заключенный наказан, то было ли от него затребовано объяснение, написал ли он его, если да, то в чем оно состоит и почему признано неудовлетворительным. Если что-то не разрешают, то на каком основании (исправительно-трудовой кодекс или другой закон; акт, исходящий от МВД или от местного управления внутренних дел; решение администрации лагеря или тюрьмы; другие основания).

Чтобы выяснить все это, можно написать заявление начальнику лагеря или тюрьмы или в местное управление внутренних дел. Если не получите ответа, или ответ будет неудовлетворительным (например, с отказом сообщить перечисленные обстоятельства), или из ответа

будет видно, что ухудшение положения заключенного незаконно, напишите жалобу на эти действия.

Перечитайте статьи 53, 54, 55 Кодекса и проверьте, не было ли допущено какого-либо нарушения при наложении взыскания. Например, **заместитель** начальника лагеря (тюрьмы) не имеет права направлять заключенного в штрафной изолятор (карцер) — ст. 55 ИТК РСФСР.

Нередко нарушения возникают потому, что администрация не знает законов и других нормативных актов или неправильно их истолковывает. Но бывает, что администрация нарушает их сознательно, по соображениям «целесообразности», «незначительности» нарушений, «невозможности» буквального исполнения законов. В первом случае можно сначала написать начальнику лагеря и напомнить или объяснить нарушенный закон. Во втором случае придется сразу обратиться с жалобой в прокуратуру или в управление внутренних дел.

Вероятно, жаловаться в прокуратуру предпочтительнее, так как она относится к другому ведомству, чем лагерь или тюрьма. Как правило, жалоба из прокуратуры будет переслана в соответствующее управление внутренних дел, однако тот факт, что прокуратура в курсе данного вопроса, может сыграть некоторую роль.

Иногда целесообразно послать одну жалобу сразу в несколько адресов, указав в тексте: копия — туда-то.

Удобно, чтобы содержание жалобы было таким:

1. Наименование органа или должностного лица, которому адресуется жалоба.

2. Ваши фамилия, имя, отчество и точный адрес (для ответа).

3. Содержание обжалуемого вопроса.

4. Соображения, по которым вы считаете неправильными действия того или иного органа или должностного лица; доказательства, которые подтверждают вашу точку зрения.

5. Содержание вашей просьбы.

6. Дата (число, месяц, год) и ваша подпись.

Разумеется, не обязательно писать жалобу точно в такой форме.

При написании жалобы очень полезно иметь перед собой полный текст соответствующего закона или хотя бы текст нарушенной статьи закона.

Подумайте, хотите ли вы довести до сведения общественности те обстоятельства, на которые жалуетесь, и если да, то в какой форме. Заявление для общественности может быть и более подробным и более кратким, чем заявление в официальную инстанцию. Подумайте при этом, имеется ли реальный шанс, что жалоба будет удовлетворена. Если имеется, то обращение к общественности может и увеличить и уменьшить его. Но если вы такого шанса не видите, то обращение к общественности может иногда его создать.

Жалобу или заявление пишите по возможности кратко, иначе вряд ли их будут читать внимательно. Если нарушений, на которые вы жалуетесь, много, укажите несколько — наиболее существенных и легко проверяемых.

Будьте особенно осторожны, используя информацию, которая исходит от уголовников. Они могут «пошутить» или спутать совершенно разные вещи — даже при самом благоприятном отношении к «вашему» политзаключенному.

Жалобы и заявления посылайте заказным письмом с уведомлением о вручении. Сроки и порядок ответа на них предусмотрены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г.

Если вам приходится писать много заявлений, полезно изучить текст этого Указа.

В письмо с заявлением иногда стоит вложить конверт со своим адресом — для ответа.

Если дело срочное, пошлите телеграмму с оплаченным

ответом. В тексте телеграммы должны быть слова «ответ оплачен», иначе этого могут не заметить, а также ваш адрес — для ответа. Телеграмму можно посылать с уведомлением о вручении телеграфом.

Сохраняйте копии всех отправляемых вами жалоб и заявлений. Кроме того, записывайте: когда, куда, по какому вопросу вы отправили жалобу, когда получили уведомление о вручении, когда жалоба была вручена адресату (это указывается в уведомлении), когда получили ответ и какой.

Если получите неудовлетворительный ответ, попробуйте пожаловаться в вышестоящую инстанцию того же ведомства. Если данная жалоба — не первая на эту тему, укажите в ней, когда, куда и с каким результатом вы посылали одну или две предыдущих.

Если не знаете адреса, например, областной прокуратуры, достаточно указать город и название учреждения: письмо, особенно заказное, скорей всего дойдет. Тем более, не обязательно указывать фамилию должностного лица для того, чтобы письмо дошло по назначению.

Если нарушение, на которое вы хотите жаловаться, повторяющееся (например, систематическое «исчезновение» писем), попробуйте написать начальнику лагеря или тюрьмы: если это нарушение будет повторяться впредь, вы пожалуетесь на начальника в областную прокуратуру. Это иногда может подействовать больше, чем сама жалоба.

Если вы идете на прием в какое-то учреждение с устной жалобой или заявлением, нужно тем не менее иметь какую-то бумагу, на которую вы должны получить резолюцию.

Если прерывается уже наладившаяся переписка, пошлите начальнику лагеря или тюрьмы телеграмму с вопросами: находится ли заключенный в лагере (тюрьме), каково состояние его здоровья, не помещен ли он в изолятор, если помещен, то почему.

Заключенного могут отправить из лагеря, например, на следствие, или как свидетеля по другому делу, или завести на него новое уголовное дело. Во втором случае его могут также поместить в изолятор в том же лагере.

Далее приводится образец жалобы по самому типичному поводу — невручение писем.

Цензору ИТК №...
от такого-то
адрес (ваш) такой-то

ЖАЛОБА

За такой-то период я отправил заключенному (фамилия) столько-то писем — заказных, с уведомлением о вручении. Согласно вернувшимся уведомлениям, письма эти вручены представителю (ИТК тогда-то) перечислить даты вручения и указать, кто за них расписался, если можно разобрать фамилию). Мне стало известно, что мои письма адресат не получил.

Прошу мотивированно сообщить мне, что именно в моих письмах представляет недозволенную информацию, чтобы в дальнейшем я мог избегать поводов для конфискации писем. Прошу также сообщить заключенному (фамилия), что мои письма прибыли и конфискованы по таким-то причинам.

В случае немотивированного изъятия моих писем я буду жаловаться в вышестоящие надзорные инстанции.

Прошу ответить на мою жалобу в установленные законом сроки.

Дата.

Подпись.

Помощь семье политзаключенного

Политзаключенный должен быть уверен, что делается все возможное для помощи его семье. Обычно это для него важнее, чем непосредственная помощь ему самому.

Вряд ли тут нужны специальные рекомендации. Мы ограничимся несколькими замечаниями.

Всем, кто помогает политзаключенному, полезно знать, есть ли у него дети, как их зовут, их адрес, дни рождения, интересы. То же — про его родителей. Есть ли у него другие близкие родственники, которые в связи с его арестом нуждаются в помощи?

В некоторых случаях стоит делать подарки маленьким детям политзаключенного **от его имени** (разумеется, с его ведома и согласия или, если с ним нет переписки, с согласия ближайшего взрослого родственника).

Помимо помощи материальной, иногда бывает нужно помочь написать заявление, подготовить и отправить посылку или бандероль, сопровождать в поездках на свидания. Вообще следует регулярно общаться с семьей заключенного, знать ее нужды и предлагать свою помощь.

Что еще можно сделать для политзаключенного?

1. Не забывайте время от времени посылать заключенному **телеграммы с оплаченным ответом**. Этим ответом он может воспользоваться в течение трех месяцев. Отправка телеграмм из лагеря иногда разрешается, но оформление отправки, включая перечисление денег с лицевого счета, может занять несколько дней. При оплаченном ответе легче получить разрешение, а оформление отправки ускоряется.

2. Если вам стало известно, какие еще политзаключенные находятся в том же лагере, что и «ваш» заключенный, постарайтесь связаться с родственниками нескольких из них. Через них вы сможете, например, передать «своему» заключенному что-то важное, если они поедут на свидание со «своими» заключенными раньше, чем вы.

3. Некоторым политзаключенным (особенно находящимся в тюрьме и спецпсихбольнице) будет очень по-

лезно получить в письме указания по физкультуре — несколько комплексов утренней гимнастики, комплексы упражнений для ежедневной прогулки (а в лагере — с учетом выполняемой работы). Учтите состояние здоровья «вашего» политзаключенного, а также его нормы питания и постарайтесь проконсультироваться со специалистами — врачом и преподавателем физкультуры.

4. Попробуйте устроить заключенному реферирование для реферативного журнала. Это может оказаться непростым делом, если в редакции журнала известно, что ваш подшефный — заключенный. Трудность можно попытаться обойти с помощью товарищей заключенного по специальности. Другая трудность — тексты на иностранных языках могут смутить цензуру. Но и тут не исключено, что заключенному удастся договориться об этом с администрацией лагеря.

5. Попробуйте послать в лагерь звуковое письмо — оно стоит 1 рубль. В тюрьму и спецпсихбольницу их посылать бесполезно, а в ссылку, колонию — поселение и «на химию» сложностей не представляет — и безусловно следует делать.

В лагере, вероятно, найдется проигрыватель (например, в школе, которая должна быть в каждом лагере). В Кодексе нет запрета на этот вид корреспонденции, и не исключено, что звуковое письмо дойдет до адресата. Радость его будет огромной!

6. Попробуйте послать сами или выписать через Посылторг грампластинки. (См. «Товары через Посылторг».).

7. Некоторым политзаключенным будет приятно получать ноты — вложенные в письмо, или переписанные от руки, или наложенным платежом — как для игры на музыкальных инструментах, которые могут оказаться в лагере, так и просто для чтения.

8. Грампластинки и ноты с большей вероятностью дойдут до заключенных, если вы достанете справку о

том, что он учился музыке. В этом случае не исключено также, что разрешат послать в лагерь какой-нибудь музыкальный инструмент. Это можно мотивировать и участием в концертах художественной самодеятельности заключенных — такие концерты бывают в лагере довольно часто. Надо, однако, подготовиться к тому, что этот инструмент вряд ли удастся невредимым увезти из лагеря. Музыкальные инструменты можно также получать через Посылторг.

9. Найдите для политзаключенного новых корреспондентов, в частности среди его коллег по профессии.

10. Для некоторых заключенных подыщите людей, которые играли бы с ними в шахматы по переписке.

11. Ст. 27 Исправительно-трудового кодекса РСФСР предусматривает право заключенного на свидания с адвокатом. Они предоставляются по письменному заявлению заключенного или его близких родственников и по желанию могут происходить наедине. Они не входят в лимит свиданий заключенного. Эти свидания предоставляются для оказания юридической помощи заключенному, которая может понадобиться ему, например, для написания надзорной жалобы по его делу. Сроки и количество таких жалоб законом не ограничиваются.

Ссылка, колония-поселение и «химия».*

Между этими тремя местами отбывания наказания имеются определенные различия, но мы не будем их излагать. Ссылка и колония-поселение официально считаются местами лишения свободы, а «химия» не считается. В колонию-поселение и на «химию» политзаключенные попадают очень редко. Дальше для краткости говорится в основном только о ссылке, но все касается, как правило, всех трех мест отбывания наказания.

*«Химия» — жаргонное слово, означающее направление осужденного на «стройки народного хозяйства», т.е. условное освобождение (В. Ч.).

Здесь собственно нельзя говорить о «заключенных». Переписка, посылки, свидания, приобретение продуктов и других предметов в магазине не ограничиваются. Можно иметь наличные деньги, носить «вольную» одежду и жить с семьей. Поэтому создается впечатление, что ссыльные не нуждаются в особой помощи.

Это — иллюзия. Политический ссыльный часто изолирован почти так же, как заключенный: от родных (кроме тех, что поехали жить с ним) и друзей его отделяет, как правило, очень большое расстояние и на свидания к нему обычно ездят не чаще чем к заключенным (хотя и на больший срок); контакты же с местным населением часто минимальные. Ссыльный, вероятно, будет рад приезду даже незнакомых людей. Те, кто имеет возможность заехать к нему могут рассматривать эту поездку как туристическую. Ссылному необходимо все то, что нужно заключенному — письма, посылки, свидания (хотя тут есть свои особенности), а также другие виды помощи. Многие рекомендации о помощи заключенным остаются в силе и здесь.

Ссылному нужно передать в следственный изолятор, главным образом, те вещи, которые понадобятся в этапе и в первые дни в ссылке, чтобы груз был не слишком тяжел (см. «Какие вещи нужно передать в следственный изолятор»). Бывает, что перед тем, как ссыльного расконвоируют на месте его жительства, ему приходится провести несколько суток в неотапливаемом помещении, пройти несколько километров пешком. Поэтому зимой очень нужны теплый свитер, телогрейка, ватные брюки, теплые носки, валенки, рукавицы, теплая шапка (а для женщин лучше всего платок). Напомним что этап может продлиться полтора-два месяца. Вещи не должны обязательно быть «зековского образца» и не обязательно новые.

В тот момент, когда ссыльного расконвоируют, он оказывается перед сложной проблемой денег: иметь налич-

ные ему до этого момента запрещено, деньги из следственного изолятора могут придти вслед за ним через несколько месяцев, а пока у него нет денег не только на еду, но даже на то, чтобы послать родным телеграмму, в которой он мог бы сообщить свой адрес и попросить прислать денег телеграфом! Если написать все это в письме, то оно может иногда дойти дней через 10. Перед отправкой ссыльного на этап сообщите ему, что по прибытии на место жительства его должен снабдить деньгами на первое время исполком местного Совета (ст. 83 Исправительно-трудового кодекса РСФСР). Можно также попробовать добиться у администрации следственного изолятора (или в вышестоящих инстанциях) разрешения передать ссыльному наличные деньги, сославшись, например, на то, что это разрешается высланным тунеядцам, которых везут под конвоем. Во всяком случае, как только узнаете адрес ссыльного, переводите телеграфом хотя бы небольшую сумму.

Ссылных на месте обязаны обеспечить жильем. На практике это может означать койку, в общежитии. Качество общежитий, а также их контингент иногда таковы, что нужно сделать все возможное, чтобы ссыльный жил отдельно. Лучше всего помочь ему купить дом или часть дома (например, половина дома может стоить около 500 рублей), по отбытии срока он сможет продать жилье и вернуть деньги. Помогите также обзавестись необходимыми вещами — ведрами, кастрюлями, электроплиткой (лучше чешской, двухконфорочной, она стоит порядка 25 руб.) и другими. Особенно удобно найти другого ссыльного, у которого кончается срок ссылки. Он может отправить свои вещи (в частности, мебель) «вашему» ссыльному контейнером малой скоростью. Это стоит дешево. Некоторым ссыльным может понадобиться сельскохозяйственный инвентарь и **хорошие** семена (на месте их может не быть).

Постарайтесь снабдить ссыльного удобной и теплой

одеждой и обувью для работы, сверх той, что передадите ему в следственный изолятор: старые фуфайки, куртки, свитера, брюки и т.п.

Снабжение мест, где отбывают ссылку, часто оставляет желать лучшего, поэтому посылки отнюдь не помешают. Сколько и какие — это лучше всего согласовать со ссылкой или его родственниками. На месте может не быть столовых, а у ссылчного может не быть времени, чтобы готовить. Поэтому полезны, например, сухие супы в пакетах — они могут также отчасти восполнить недостаток овощей. Если на месте нет яиц и молока — посылайте яичный порошок и «сухие сливки». Иногда из крупных городов запрещают посылать мясные консервы, колбасу: проявите настойчивость и изобретательность. Если посылать кофе, то лучше в зернах, на месте можно иметь кофемолку.

Ссылчному безусловно нужен радиоприемник, а также полезно иметь проигрыватель с пластинками и магнитофон. Эти вещи он сможет вернуть после освобождения (если только их не украдут, что иногда случается). Не забывайте снабжать его новыми книгами и пластинками. Ему в полной мере нужна та же информация, которая нужна для заключенного.

У ссылчного больше возможностей для заочной учебы, чем у заключенного: его даже разрешается отпустить для сдачи экзаменационной сессии. Это особенно существенно для тех, у кого арест прервал учебу. Они могут попробовать восстановиться в учебном заведении и, если необходимо, перейти с дневного или вечернего отделения на заочное. Ясно, что при этом от вас может понадобиться самая разнообразная помощь.

Если у ссылчного есть хронические заболевания, помогите ему получить необходимые справки (например, выписку из истории болезни), чтобы он не оказался на непосильной работе.

О переписке со ссылкой

В ссылке и на «химии» официальной цензуры писем нет. Однако маловероятно, что для кого-нибудь из политических нет цензуры негласной. При этом речь может идти в первую очередь о просмотре писем, **получаемых** ссылкой. Письма, которые ссылкой **отправляет**, он обычно может кого-то попросить опустить в другом месте, и их негласный просмотр по месту отправления в этом случае маловероятен. (Впрочем, надо считаться с возможностью просмотра по месту жительства адресата.) Если же ссылкой опускает письма по месту своего жительства и указывает на конвертах, от кого они, шансы на их негласную цензуру весьма возрастают.

В колонии-поселении официальная цензура может применяться, а может и не применяться — с той же оговоркой насчет цензуры негласной. Возможно даже сочетание обеих цензур.

Негласная цензура требует некоторой технической квалификации. Можно предполагать, что ее осуществляют в областном (краевом) центре. Можно поэтому предполагать, что эти цензоры более эрудированы, чем цензоры в лагере.

При негласной цензуре письма «теряются» реже, но это случается даже с заказными. Разумеется, нужно выяснять на почте судьбу каждого пропавшего заказного письма. Есть основания предполагать, что дошедшие письма учитываются и в ряде случаев фотографируются. Поэтому остаются в силе некоторые рекомендации по переписке с заключенными (см. «О цензуре», «О содержании писем».).

Политические ссылки, как правило, размещаются далеко от крупных городов. Благодаря этому у них обычно есть возможность слушать радио; и они бывают в курсе основных текущих событий. Но этого недостаточно и это не заменяет переписки. Ссылчный ждет писем с

таким же нетерпением, как и заключенный, и их никогда не бывает слишком много.

Ссылному не запрещается переписываться с заключенными. Снабдите его соответствующими адресами.

Со ссылными можно попробовать говорить по телефону: по вашей просьбе его вызовут на переговорный пункт (если, разумеется, такой пункт имеется в районе его жительства).

Ссылным, поселенцам и «химикам» особенно целесообразно посылать звуковые письма, а также магнитофонные записи. Желательны также любительские кинофильмы, хотя, в отличие от проигрывателя, в районе жительства ссылного может не оказаться проектора для любительских фильмов.

Если ссылный не отвечает на письма, это может иногда означать, что у него не остается для ответа времени и сил (работа и хлопотное домашнее хозяйство: дрова, печка, огород и т.п.; даже питьевая вода может иногда оказаться проблемой). Пусть это не отбивает у вас охоту писать. Посылайте письма с уведомлением о вручении, чтобы убедиться, что они доходят по назначению.

Спецпсихбольница

Это, вероятно, самый тяжелый вид режима. Здесь у заключенного нет определенного срока. Специальная комиссия, как правило, дважды в год решает, кто излечился, а кто нет, но в отношении политзаключенных это, по-видимому, решается не на комиссии. Впрочем, бывают случаи, когда врачи официально решают, что политзаключенный здоров, и тем не менее его не освобождают.

Все жалобы в спецпсихбольнице: на условия содержания, на произвол, неоправданные ограничения и другие действия администрации — рассматриваются как проявления их заболевания и приобщаются к истории болезни.

Если на любом другом режиме заключенный имеет право получать письма без ограничения, а отправлять письма и получать свидания по определенным лимитам, то здесь все эти вопросы решает администрация по своему усмотрению или в соответствии с традициями данной больницы, причем «традиционные» лимиты сильно различаются для разных больниц. Например, лимиты на отправку писем — от 1-2 в неделю до 2-3 в месяц.

Здесь заключенный содержится фактически на тюремном режиме, причем или все время вынужден общаться с психически больными людьми, или общается с ними на прогулке, а остальное время находится в одиночной камере.

Здесь могут в принудительном порядке лечить от психических заболеваний, не заботясь о побочном — и иногда весьма сильном — действии лекарств.

Здесь могут запретить заключенному иметь бумагу для собственных записей и ограничить количество бумаги и даже время для написания писем.

Здесь особенно трудно предвидеть, что может не понравиться цензуре, и особенно часто бывает, что от того, что письмо однажды не понравилось цензуре, не передают больше **никаких** писем и даже поздравлений.

В спецпсихбольницах не бывает личных (т.е. наедине) свиданий, а общие предоставляются, как правило, только с близкими родственниками (хотя, обычно, довольно часто по сравнению с лагерями). Их продолжительность от 30 минут до 2 часов.

Политзаключенные в спецпсихбольницах особенно нуждаются в помощи извне.

Им можно писать.

Им можно отправлять посылки и бандероли, в том числе с книгами! (Некоторые книги, впрочем, им могут не передавать). Поэтому может возникнуть задача — достать для них нужную книгу.

Им иногда можно доставать лекарства, которых нет в распоряжении спецпсихбольницы.

Иногда могут разрешить передать музыкальные инструменты или холст и краски и т.п.

Очень нужны красочные открытки, рисунки, фотографии близких людей. Нужны деньги для приобретения продуктов в ларьке.

Нужно помогать учиться. Кому-то может понадобится специальная методика обучения в условиях невозможности делать записи. Нужно ее разработать! (Быть может, удастся в **какой-то мере** использовать методику обучения слепых).

По вопросам организации, оформления и содержания переписки, помощи в учебе и другим — см. соответствующие разделы «Пособия».

Перед отправкой в спецпсихбольницу нужно передать те же вещи, что и другим заключенным (см. разделы «До отправки в лагерь или в тюрьму»). Все вещи (в частности, трубка для курящих) должны быть без металлических частей.

В некоторых случаях, прежде чем начать переписку с заключенным, находящимся в спецпсихбольнице, следует посоветоваться с ближайшими родственниками или «ведущим».

Стационарная судебно-психиатрическая экспертиза

Стационарная экспертиза продолжается обычно месяц, иногда два и очень редко три месяца.

Если заключенный находится в Москве или его случай считается трудным и ответственным, его направят на экспертизу в институт судебной психиатрии им. Сербского (Москва).

О направлении заключенного на экспертизу могут не сообщить даже ближайшим родственникам или сообщить не сразу. Передачу примут в следственном изоляторе и заключенному передадут. Однако, если вы узнали,

что заключенный направлен на стационарную экспертизу, передачу следует принести непосредственно туда, где он находится, поскольку там почти нет ограничений на ассортимент продуктов. Туда же следует передать денег: в институте им. Сербского, например, можно приобретать продукты без ограничения по количеству и ассортименту. Деньги же из следственного изолятора туда переведут не сразу и из расчета по 10 рублей на месяц.

Несколько общих принципов

Этот раздел не содержит ничего нового. В нем собраны те общие принципы, которые применяются в разных конкретных случаях на протяжении всего «Пособия».

1. Знать законы: уголовно-процессуальный кодекс, Положение о предварительном заключении под стражу, комментарии к тому и другому, Исправительно-трудовой кодекс, Комментарий к Основам исправительно-трудового законодательства СССР (комментарий к кодексу пока не вышел и другие, с которыми приходится сталкиваться заключенному или вам. Возможности помощи политзаключенному очень ограничены и нельзя пренебрегать ни одной из них. Знание законов — серьезное оружие в этом деле. Не забывайте, что отдельные положения законов могут довольно часто меняться.

2. Знать как можно больше про заключенного и его семью. Знакомиться с людьми, которые находились в тех же или похожих условиях заключения, с их родственниками.

3. Индивидуальный подход к каждому политзаключенному. Например, одного огорчит описание новых постановок фильмов — другому это будет приятно.

4. Вести всевозможные списки: действия следствия и ваши действия; книги; письма; заявления и ответы на них — когда, кому, что послано, с каким результатом. Эти списки впоследствии пригодятся неоднократно.

5. Хладнокровие. В любой момент ожидать трудно-

стей. Даже то, что разрешено, могут по разным причинам запретить, отложить, отменить. В условиях заключения всегда может произойти что-то чрезвычайное. Быть готовым к этому, не падать духом.

6. Настойчивость. Если решили чего-то добиваться — бороться, повторять, обращаться в вышестоящие инстанции, пробовать добиться того же иначе, другими средствами. Настойчивость особенно нужна, если вы не получили ответа на заявление или получили явную отписку. Однако далеко не любой вопрос заслуживает той огромной затраты времени, сил, нервов, а иногда и денег (например, на поездки), которая обычно необходима, чтобы чего-то добиться для заключенного, — даже в сравнительно простых случаях.

7. Активность, инициатива. Все время думать, что еще можно сделать, находить новые формы помощи. «Что не запрещено, то разрешено». И если у вас нет стопроцентной уверенности, что-то запрещено, — попробуйте.

8. Однако каждый раз, когда вы что-то предпринимаете, особенно что-то необычное, подумайте, не может ли это **повредить** политзаключенному или по крайней мере оказаться для него нежелательным. Политзаключенный иногда может быть доволен своим положением, даже если какие-то его права нарушены. Борясь за эти права, вы иногда можете существенно ухудшить его положение в других отношениях.

9. Если какое-то дело можете сделать и вы и заключенный (отправить жалобу, выписать книгу наложенным платежом и т.п.), то почти наверняка лучше, чтобы это сделали вы. В лагере и в тюрьме самое простое дело нередко оказывается сложной проблемой.

10. Вместе с тем, если позволяет обстановка, очень желательно запрашивать мнение заключенного, когда вы предпринимаете в отношении него какой-то важный шаг. Его мнение может отличаться от вашего даже в таких случаях, которые вам кажутся бесспорными.

11. Не ждите, пока заключенный попросит о каких-то услугах, старайтесь предлагать их сами. Это важно по двум причинам: заключенный может постесняться просить о чем-то, что требует от вас усилий, и может не догадываться, что возможны некоторые виды услуг.

12. Пишите заключенному сами и просите писать других. Заключенному будет приятно получать письма и от незнакомых людей. Темы для переписки быстро найдутся.

13. По возможности продолжать делать то, что делал заключенный для себя, для семьи и друзей до ареста (покупать книги, грампластинки, выписывать газеты и журналы и т.п. В частности, переписывайтесь с теми политзаключенными, с которыми переписывался он).

14. Начинать помощь политзаключенному нужно со дня его ареста (а то и раньше) и продолжать вплоть до освобождения. Бывает, что незадолго до освобождения политзаключенного помощь ему ослабевает. Между тем для некоторых заключенных последние месяцы, недели, дни — самые тяжелые.

15. Каждый раз, когда вы что-то делаете для заключенного, старайтесь, помимо непосредственной пользы, доставить ему удовольствие. Учтите его вкусы и моральное состояние.

16. Не забывайте при всех перемещениях заключенного посылать ему немного денег.

17. Каждый раз, когда это возможно, следует обращаться к специалистам: не только в отношении врача или юриста, где это само собой понятно, но и в отношении, например, комплекса физических упражнений для заключенного, находящегося в тюрьме, и т.п.

Приложения

1. ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОБЫСКЕ (1973 г.)

2. ОТЧЕТ О ЗАДЕРЖАНИИ

3. ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОБЫСКЕ (1974 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОБЫСКЕ

В ночь с 27 на 28 августа у меня на квартире сотрудником КГБ был произведен обыск по делу № 24.

Поскольку;

1) еще не известно, будет ли расширяться и поощряться культурный и информационный обмен, в том числе в области права и проблем прав человека;

2) однако уже ясно, что предположение о бесконечно длящемся деле № 24 является достаточно хорошим приближением, прекрасно работающим на практике;

полагаю правильным сделать заявление о том, что помимо всевозможных самиздатских правовых документов и литературы, а также оригинальных статей и информационных материалов по проблеме прав человека в СССР, помимо самиздатских сборников статей и докладов юридической практики, в том числе, сборников «Общественные проблемы» и Международная Амнистия»; помимо хранившейся у меня части архива «Комитета прав человека» (всего на несколько тысяч листов машинописного и рукописного текста) у меня были изъяты 9 книг на иностранных языках зарубежных издательств, 38 брошюр на иностранных языках, отпечатанных типографским способом в зарубежных издательствах, 8 иностранных журналов — фактически вся имевшаяся у меня правовая литература; в том числе сборник ООН, конвенций, номера хроники ООН и материалы комиссий по правам человека под редакцией Рене Кассена и Карла Вассака, журналов и сборников других известных правовых международных органов в том числе специальный сборник «Объединенных наций» — 1968 г. (Год прав человека). В котором, между про-

чим помещена жемчужина достижений СССР в области прав человека — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан».

4 сентября 1973 г. Москва

Андрей Твердохлебов

ОТЧЕТ О ЗАДЕРЖАНИИ

30 июня с.г. в 15 час. 30 мин. я прошел в дом № 43 по улице Народного Ополчения с тем, чтобы попасть в квартиру № 103 (где живет профессор А. Воронель). Попасть в квартиру № 103 мне не удалось. Из пустоты лестничной клетки материализовался застенчивого вида мужчина средних лет и, отрекомендовавшись сотрудником милиции, попросил следовать за ним. Он оказался сотрудником 132-го отделения милиции г. Москвы, каковое и устроило засаду у квартиры Воронеля. Когда меня вводили в отделение за спиной сказали: «Из сто третьей».

В этом отделении меня продержали до 22 час. 30 мин., а назавтра снова привезли и держали примерно с 9 до 14 часов, а затем перевезли в 26-е отделение милиции, что по-соседству с моим домом, где держали до 16 час. 30 мин. Время частично прошло в беседах с приятным сотрудником 132-го отделения Кашириным (около часа по первом доставлении) и с мало приятным капитаном КГБ Альбертом Кузьмичем Шевчуком (примерно два часа чистого времени за два дня).

Каширин мне сообщил, что в подъезде дома 43 было не то ограбление, не то убийство или драка (он спрашивал, например, не видел ли я следов крови). Шевчука же интересовало, зачем я шел в кв. 103. Его не удовлетворило мое объяснение: «Вот только приехал из отпуска, как нелепый слух — жену профессора Воронеля хулиганы не подпускают к ее дому. Теперь я вижу, что слух этот вздорный. Никаких хулиганов нет,

даже более того, квартира плотно охраняется милицией».

Беседа с капитаном носила взаимно-назидательный характер с явно выраженным обоюдным отношением к друг другу как к испорченным детям, которые не ведают, что творят. Впрочем, к одному из его назиданий в особо патетическом тоне — о социально-моральной необходимости жениться, — я отнесся с должным вниманием. Похоже, что сам он в личной жизни безупречен, если не на задании, конечно.

Ну и, разумеется, речь зашла о семинаре, руководителем которого является профессор А. Воронель. Что принимать участие в его работе в чрезвычайных условиях приезда Никсона нельзя — это я вполне понял. Но идея капитана, чтобы я дал подписку органам КГБ (?) в том, что я не намерен участвовать в семинаре Воронеля, не реализовалась. Предложенный им устно образец подписки с исправлениями, сделанными мною по обсуждению с ним и с его согласия, оказался настолько неинтеллигентным текстом, что я отказался его подписать. Последовавший за этим 5-10 минутный монолог (в повышенном тоне) капитана Шевчука не допускал возможности какой-либо дальнейшей беседы с ним.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

В некотором смысле эпизода этого не было вовсе. Работники милиции отказывались подтвердить, что они задержали меня, в список задержанных мою фамилию не занесли. На требование справки о задержании мне сказали «Придете за ней завтра», т.е. 1-го июля (Я потребовал справку по окончании первого дня задержания). А на завтра меня снова задержали и справки я уже не требовал. На работе, куда я пришел не 1-го, в понедельник, как должно, а 2 июля, мне никаких вопросов о моем прогуле не задавалось. Впечатления от этого эпизода, если их суммировать с тем, что мне известно о более чем двухлетней практике превентивных задержаний, следующие:

Право сильного реализуется властями без каких-либо ограничений формально-юридического характера и без малейшего уважения к обычаям и здравому смыслу. При этом все подчинено конкретной, определенной цели. Побочных, казалось бы неизбежных, проявлений права сильного, демонстрации и утверждения права сильного как такового, вне поставленной цели почти не наблюдается. Это удивительное сочетание (естественно удивительное и для исполнителей акций — отсюда их трогательная застенчивость) можно объяснить разве что уважением к другой, какой-то силе. Ибо не похоже, что проявляемая властями забота о некотором комфорте задержанных лиц, их подчеркнуто вежливое обращение* есть проявление уважения к личности. Да и откуда ему взяться. Если мое объяснение правильно, то и слава Богу. Хотя и несколько противно, конечно, будто не в своей стране живешь, но кому же хочется быть в добавок избитым, например.

19 июля 1974 г.

Андрей Твердохлебов

З А Я В Л Е Н И Е

В ночь с 27 на 28 ноября у меня на квартире был произведен обыск. Обыск проводил старший следователь следственного отдела УКГБ при СМ СССР по городу Москве и Московской области капитан Юриков по поручению и на основании постановления старшего следователя следственного отдела КГБ при Совете Министров Литовской ССР майора Маркявичуса от 23 октября 1974 года.

* Например, капитан Шевчук, оставляя меня в 26-м отделении милиции, сказал при мне дежурному, что если у меня появится желание, так чтоб ему доложили. Появившееся у меня желание поесть совпало с освобождением. Я поел дома.

Перед началом обыска мне предложено было добровольно выдать документы, имеющие значение для указанного в постановлении на обыск уголовного дела № 345, на что я заявил, что таковыми не располагаю. В процессе обыска таковых и не было найдено. Сужу так потому, что только однажды за весь обыск, длившийся десять с половиной часов, следователь, обнаружив брошюру на английском языке зарубежного издательства, сказал, что вот ее-то и нужно было выдать добровольно, поскольку на ее обложке изображена карта Литвы. Таким образом, на основании статьи 171 УПК РСФСР все изъятое следует считать вообще запрещенным властями к обращению. Тем более интересно, что изъято.

Возглавляет перечень «Архипелаг ГУЛаг», затем идет периодика информации о религиозных преследованиях: «Бюллетень Совета родственников узников — евангельских христиан-баптистов» (№ 17 1974 г.), листок издательства «Христианин» с информацией об арестах в городе Риге под названием «Они печатали Евангелие», «Хроника Литовской Католической Церкви» №№ 4, 5, 6 1974 г. зарубежного издательства на английском языке.

Затем идет периодика с информацией о нарушениях прав человека — «Хроника защиты прав человека в СССР» №№ 2, 3, 7, затем все материалы (опубликованные и архивные документы) правовых ассоциаций, не признаваемых властями, в частности, Комитета прав человека, Инициативной группы защиты прав человека, Комитета ассоциации граждан немецкой национальности, проживающих в Эстонии, Группы-73 (ассоциации по проблемам помощи политзаключенным), группы Международной Амнистии в Советском Союзе (архив).

Далее все материалы с информацией о положении заключенных в тюрьмах и лагерях Советского Союза (имевшиеся у меня материалы о положении заключенных в Индонезии, в Южном Вьетнаме, Испании и Чили изъяты не были), в том числе материалы самиздатского

сборника о положении политзаключенных в СССР, копии писем и текстов из лагерей, любая информация о лагерях, списки с адресами заключенных и их семей, среди них уникальные, интервью одиннадцати политзаключенных в СССР 30 октября и написанная в лагере же двумя известными политзаключенными брошюра «Пособие по психиатрии для инакомыслящих».

Запрещенным оказалось и то, что относится к благотворительной деятельности, коей я чисто по-любительски занимался (письма, открытки, квитанции почтовых переводов, списки адресов и семей заключенных). Под этим же соусом чуть было не забрали лежавшие в том же ящике стола деньги в количестве 152 рублей, но после долгой дискуссии брать их не стали.

Запрещены также конкретные документы правозащитной деятельности и информационные материалы по отдельным казусам. Туда же можно отнести и открытые письма сенаторам Генри Джексону и Эдварду Кеннеди. Кроме того были изъяты списки и адреса семей немцев (примерно две тысячи семей), желающих переселиться на постоянное жительство в ФРГ.

Недопустимо иметь также магнитофон и пишущую машинку, если, как стало ясно из устной дискуссии с работниками КГБ, они используются в плохих целях (очевидно, имеется в виду их использование для текстов, связанных с проблемой прав человека). Не следует думать, что магнитофон и пишущую машинку сразу же отдадут после снятия экспертизы или хотя бы окончания дела № 345. В прошлом году на обыске 27-28 августа (по делу 24) у меня забрали прежний магнитофон и прежнюю машинку и до сих пор не вернули.

К этому грустному списку следует добавить и записные книжки. По-видимому, я их использовал в тех же целях, что и магнитофон и пишущую машинку, однако авторучку пока что у меня не забрали.

28 ноября 1974 г.

Андрей Твердохлебов

\$6.00

АНДРЕЙ ТВЕРДОХЛЕБОВ — московский физик (р. 1940 г.), участник движения в защиту прав человека в СССР.

В 1970 г. он принял участие в основании Комитета прав человека в Москве.

В 1972-73 годах Твердохлебов издавал самиздатские сборники «Международная Амнистия».

В 1973 г. Твердохлебов принял участие в учреждении «Группы — 73», созданной для изучения проблем помощи узникам совести. Он также является одним из учредителей и секретарем советской группы организации «Мемор».